

ОГОНЁК
№ 34 АВГУСТ 1956
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Ростовский гипсовый завод. Распиловочный станок разрезает длинные железобетонные полосы на плиты нужных размеров.

Фото В. Турбина (ТАСС).

На первой странице обложки: Воскресным вечером в румынском селе Молдове Веке.

Фото Н. Драчинского.

На последней странице обложки: В. Д. Ездаков. ВОЛЖСКИЙ ЕРИК. Ульяновск.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 34 (1523)

34-й год издания

19 АВГУСТА 1956

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Хлеб — Родине

На необъятных просторах нашей страны развернулась жатва. В Казахстане и на Алтае, в Заволжье и на Дону, на Кубани и в Чкаловской области, на Украине — повсюду труженики сельского хозяйства стремятся скорей убрать урожай, досрочно выполнить план заготовок хлеба. Многие хозяйства, полтора — два года назад созданные на целинных землях, уже сдали государству по миллиону и больше пудов хлеба. Колхозы и совхозы Алтая, обязавшиеся сдать 300 миллионов пудов, теперь повышают свое обязательство до 350 миллионов пудов.

На полях Кулунды, Барабинской низменности и других районов выращен замечательный урожай зерновых и технических культур. Массовое применение раздельного способа жатвы позволит избежать потерь, собрать значительно больше хлеба, чем намечалось. Новосибирцы обязались сдать государству не 90 миллионов пудов хлеба, как было определено ранее, а 106 миллионов.

В дни уборки с новой силой вспыхнуло соревнование между колхозами, целыми районами и областями. Земли Пресновского района, Северо-Казахстанской области, и Петуховского района, Курганской области, граничат между собой. Механизаторы соседних МТС заключили договор на соревнование. По условиям договора, победителем будет тот, у кого урожай выше, кто уберет зерновые за 15 дней.

Успешно завершить уборку, выполнить и перевыполнить план сдачи хлеба государству — дело чести каждого колхозника, каждого механизатора, каждого работника сельского хозяйства.

На снимке: раздельная уборка пшеницы в колхозе «Заветы Ильича», Алейского района, Алтайского края.

Фото М. Савина.

Жатву закончить в срок,
урожай собрать сполна!

ПОЛМИЛЛИАРДА ПУДОВ ЗЕРНА

Июль на Украине был дождливым, август тоже не балует погожими днями: то дождик, то гроза. Но опытным хлеборобам не впервые преодолевать капризы природы. С каждым днем фронт уборки расширяется, в закрома идет отборное зерно.

— Выиграет тот, кто повысит выработку на комбайн!

Эти слова можно прочитать в листовках на полевых станах. В Херсонской области было объявлено соревнование молодых комбайнеров. Петр Шахман из Больше-Александровского района комбайном «Сталинец-6» убрал хлеба с площади в 339 гектаров. Намолот — свыше 6 тысяч центнеров зерна. У Анатолия Горькова из Скадовского района — свыше 5 тысяч центнеров.

Особенность нынешнего года — почти повсеместное применение раздельного способа уборки: сначала косовица, а затем подборка и обмолот валков. Это намного ускоряет жатву, позволяет косить хлеба еще в стадии восковой спелости.

Взять, к примеру, Томаковский район Днепропетровщины. Здесь на значительной площади колосовые культуры были скошены «виндроуэрами», а подборку и обмолот производили комбайнами. В результате 57 комбайнеров с машинами значительно раньше освободились и сумели во-время отбыть в Казахстан.

Многие колхозы Украины управляются с жатвой в предельно короткие сроки. За десять дней колхоз имени Андреева, Генического района, Херсонской области, убрал стопудовый урожай, засыпал семена и сдал государству более 40 тысяч пудов хлеба.

Первые сообщения об успешных хлебопоставках начинают поступать из южных районов Украины. Рассчитались с государством все колхозы зоны Килийской МТС Одесской области, Каменской МТС Запорожской области. К концу первой декады августа Запорожская область уже сдала 30 миллионов пудов хлеба.

Украина стоит в ряду крупнейших житниц Советского Союза. В этом году колхозы и совхозы Украины дадут государству почти полмиллиарда пудов зерна.

В. ШУМОВ

СТУДЕНТЫ НА ЦЕЛИНЕ

Фото И. Баранова.

В эти дни, когда внимание всей страны привлечено к уборке хлебов на целинных землях, в Московский университет и другие высшие учебные заведения столицы приходят письма из Казахстана, Сибири, с Урала и из других краев. Студенты, поехавшие на жатву, сообщают своим друзьям о том, как они трудятся на колхозных и совхозных полях.

Студентов можно встретить на комбайнах, где они работают копнильщиками, на очистке, погрузке и выгрузке зерна. Они являются организаторами культурной работы, выпускают стенные газеты. В свободные часы агитбригады молодежи прямо на поле выступают с концертами. Многие девушки, не отставая от товарищей на полевых работах, заботятся о быте, следят за чистотой, варят обед.

Большую помощь московские студенты оказывают новоселам совхоза «Буруктальский», Адамовского района, Чкаловской области. На полях совхоза хорошо работают посланцы Института механизации и электрификации сельского хозяйства имени В. М. Молотова.

На снимке: студентка института Бэлла Лихтер готовит обед на полевом стане тракторно-полеводческой бригады.

В совхозе «Самарский», Атбасарского района, Акмолинской области, Казахской ССР. На току четвертой бригады.

Фото Дм. Бальтерманца.

Украинск
С

Александр МИХАЛЕВИЧ

Фото К. Лишко.

Недавно проехал я по Украине несколько тысяч километров, многое повидал, и часто в этой поездке мне вспоминалось письмо от товарища с Дона.

«Мы же теперь соревнуемся с украинцами,— писал товарищ,— так ты, брат, выкладывай, какие там у вас секреты, что нового задумано, чем, может быть, из вашего опыта и нам полезно воспользоваться...»

«Секреты» на Дону, наверно, в общем те же, что и на Украине, но всюду сейчас такой бурный прибой свежих сил, столько вызревает нового, подчас неожиданного, такое богатство, разнообразие местной инициативы, что каждое добросовестное наблюдение действительно может пригодиться, подлить масла в огонь трудовых битв соревнующихся сторон.

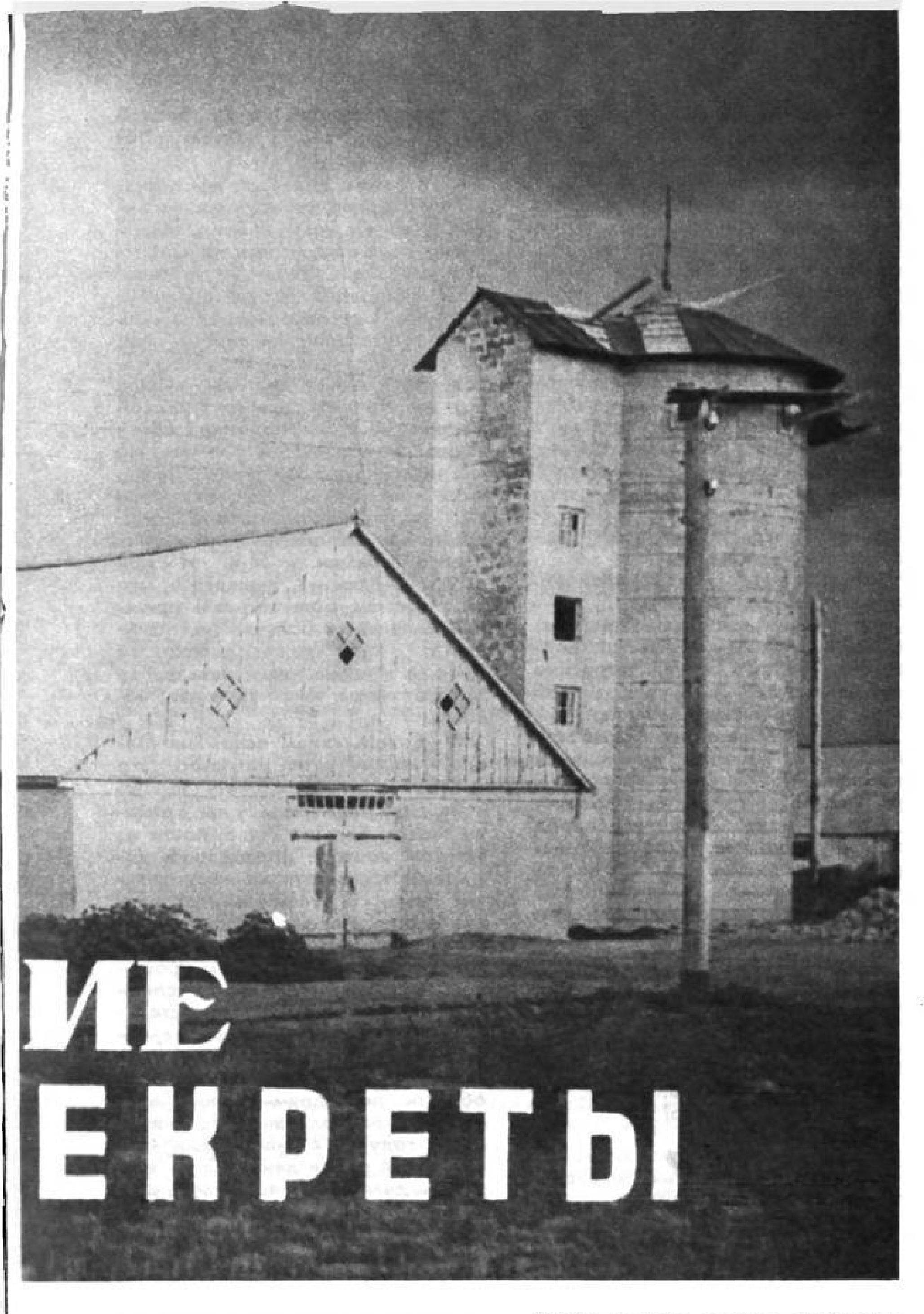
А в новом соревновании — после XX съезда партии — еще теснее друг к другу, товарищами стали, договоры заключили между собой Дон и Крым, воронежцы и полтавчане, Кубань и Николаевская область Украины, Винничина и Липецкая область РСФСР, украинские Сумы и российский Курск, Житомир и Калинин, две столичные области — Московская и Киевская, саратовские волгари и днепропетровцы, Буковина и Рязань,— что ни пара, то серьезные, интересные, своеобразные «соперники».

...Сразу всех «секретов», конечно, не выложишь, но вот о недавней поездке — летними дорогами, украинскими шляхами, о виденном и передуманном в пути — хочется запросто рассказать.

* * *

Ну прямо как по заказу! Сразу за Киевом, в одном из близких бориспольских сел, такая картина: достраивается большая ферма, справа и слева венчают ее высокие силосные башни, еще идут какие-то работы вверху, но уже обосновался на одной из крыш, свил себе удобное гнездо, обживает ферму аист. Не тот ли это черногуз Халимон, про которого так ласково, человечно рассказывает Юрий Яновский в одном из последних своих произведений — «Мир»? Там, правда, аист стоял в гнезде на верхушке разбитой пушки, поблизости от хаты, сгоревшей вместе с его старым гнездом. Здесь новая ферма. Не Халимон, так его родич; во всяком случае, аист на ферме — к добру и счастью: пусть будет спокоен, щедр и радостен труд украинского животновода!

Он ведь поднимает у нас свою целину, украинский колхозник,

кукурузно-животноводческую целину. Страна захвачена делами на востоке — не миллионами, а миллиардами пудов зерна начали нынче считать свои урожаи Сибирь и Казахстан. А навстречу этим могучим потокам зерна уже хлынуло новое богатство Украины — никогда еще республика не производила наряду с хлебом, сахаром, льном, овощами, фруктами столько молока, масла, мяса...

Помню, три года назад все на Украине радовались: в республике появилась передовая по молоку область! Это была Херсонская область, которая первой подошла к годовому удою молока. 1 500 килограммов на корову в среднем по всей области. Почему это радовало? Потому что по всей стране за период более десяти лет удои молока в колхозах в среднем не превышали 1 000—1 070 килограммов от одной коровы. Херсон первым вырвался из этого застоя...

А нынче как трудно приходится тому же Херсону в соревновании с соседями — Николаевом, Запорожьем! Теперь спор идет у них не о тысячных и не о полуторатысячных удоях, а о том, кто к концу года дальше уйдет вперед от двухтысячного удоя.

Раньше, если хотели на Украине воздать почет лучшей доярке, как ее называли? Трехтысячницей. Вспоминаю, как долго и одиноко в свое время ходила в трехтысячницах знаменитая доярка Мария Савченко из Сумской области.

Ферма колхоза имени Буденного, Бориспольского района.

Лекции — о ней, фильмы — о ней, в президиум — ее... К слову сказать, не испортила ее эта слава, и никак нельзя признать эту славу ненужной, хотя иные литераторы спешат это сделать в отношении наших скромных героинь. Послужила слава Савченко народу, и жизнь привела к тому, что слилось теперь это славное имя с сотнями других имен нынешних и «бывших» трехтысячниц, «бывших» потому, что лучшие доярки Украины надаивают сейчас от своих коров по 7—8 тысяч килограммов молока за год.

А трехтысячниками и четырехтысячниками сегодня становится все больше колхозов, и уже первые десятки районов на пути к этому.

Не так давно колхоз, премированный за успехи в животноводстве автомашиной, был в районе или даже в области если не в диковинку, то, во всяком случае, встречался не часто. А уже за показатели прошлого года таких премированных колхозов на Украине было более тысячи, например, в Харьковском районе таких колхозов десять, в Крыжопольском, на Винничине, двадцать.

Когда впервые на сентябрьском Пленуме ЦК КПСС был приведен смелый и трезвый расчет: нам нужно, по научно обоснованным нормам, производить в стране на каждые 100 гектаров сельскохозяйственных угодий не менее 260 центнеров молока,— как сперва было трудно многим хозяйствам, районам, областям даже «примериваться» к этой цифре — «260»! Подсчитывали люди фактический выход молока в колхозах — получалось у большинства на 100 гектаров 30, 40, 50 центнеров... Если у лидеров выходило 150 центнеров, им завидовали. В какой срок, в самом деле, удастся всем пробежать расстояние до 100, до 200 и, наконец, до 260 центнеров?

До цифры «260» многим еще далеко, но вряд ли кого-нибудь она уже страшит, как раньше. У колхозов-лидеров выход молока на 100 гектаров сельскохозяйственных угодий ныне превышает и 300 центнеров. В Винницком районе по всем тридцати колхозам в прошлом году было произведено на 100 гектаров угодий по 267 центнеров молока.

Не так давно гордостью Украины были успехи ирклеевских свиноводов. Они добивались по району получения 5—6 центнеров свинины на 100 гектаров пашни и считались передовиками. Потом, когда на сентябрьском Пленуме было подсчитано и всенародно сказано, что нашей целью должно быть производство не менее 30 центнеров свинины на 100 гектаров пашни, ирклеевские достижения, естественно, поблекли. Но ненадолго. Ирклеевцы уже в этом году ведут борьбу за то, чтобы получить 32 центнера свинины на 100 гектаров пашни.

Правда, и при таких показателях им теперь будет трудно сохранить лидерство. В Заставновском, Винницком, Черниговском районах на 32 центнерах свинины не помирятся; здесь упорно борются за то, чтобы получить на 100 гектаров пашни 40—45 центнеров свинины. А вся республика обязалась получить на каждые 100 гектаров пашни в колхозах не менее чем по 21 центнеру свинины, почти в три раза больше прошлогоднего.

Мало кто раньше знал в республике колхоз имени Калинина, Ново-Пражского района, Кировоградской области. Никогда раньше не брался председатель этого колхоза Н. П. Ткачев тягаться силами с Посмитным и Дубковецким. А недавно всеобщее внимание привлекло выступление этого неизвестного председателя на Пленуме ЦК КП Украины. Тут красноречие не слов, а дел: колхоз имени Калинина уже к концу мая откормил больше 1 100 свиней, получил более 45 центнеров свинины на 100 гектаров пашни, а к 1 октября, по самым строгим, придирчивым расчетам, получит по 72 центнера. Теперь самому Посмитному впору догонять Ткачева.

Новые времена — новые имена, но имен этих теперь столько, что их просто не счесть.

* * *

В Запорожье, когда я спрашивал руководителей области, как объяснить такой большой прирост надоев молока в текущем году, отвечали скромно, трезво: «Мы ведь пока плюсуем к очень низкому уровню», «Выполняем решения съезда», «Мы просто грамотнее стали вести животноводческую отрасль», «Это кукуруза начала преображать кормовую базу». А втягиваясь в беседу, сходились на одном: «Занялись молоком все — от мала до велика. Разве когда-нибудь было такое соревнование в животноводстве? Полная гласность, постоянное сравнение результатов. Поощрение, премирование. Каждый ищет себя — свою область, свой район, колхоз — в бюллетенях, в газетах, в сводках. «А как мы? Кого опередили? От кого отстали?» Вот ведь, скажем, Червоноармейский район за весь прошлый год имел надои 920 килограммов на корову, а теперь за 9 месяцев — 1 733 килограмма. Значит, и так можно шагать в животноводстве!»

И добираются до корня: «Сколько откуда концентратов? Какая конкретно зеленая масса идет в дело: озимая рожь, суданка, кукуруза? Вторые укосы? Бахчевые? Как начисляют, выдают дополнительную плату дояркам? Где приобретали коров? Сколько еще есть яловок?» Так раньше работой лучших доярок не интересовались, как занимаются теперь любой фермой...

Многие, с кем я беседовал, отлично понимают: еще не все резервы использованы, настоящее-то соревнование за высокую культуру животноводства впереди!

На Львовщине прирост удоев пока меньше, чем в Запорожье. Но во Львове я был свидетелем того, как разрабатывается в обкоме партии вместе с активом области серьезный план завтрашних дел в животноводстве.

Секретарь обкома партии с неподдельным увлечением и большим знанием дела говорил о галицкой чернопестрой породе скота, которая при умелом улучшении «никак не должна уступить голландской». Это не только благопожелания: четыре межрайонные станции по искусственному осеменению скота практически создаются сейчас в области; туда будут собраны из колхозов самые лучшие быки — прославленных линий: линия «Байкала», линия «Анероида», линия «Гуслава». Это будет планомерное воздействие на все стадо...

— Мы на Львовщине можем добиться продуктивности молочного скота не меньшей, чем в Голландии. Четыре — пять тысяч килограммов на корову как среднеобластной годовой удой — это достижимая цель. Только от шаблона надо уйти! Разве нам не ясно, как заняться пастбищами, улучшить ботанический состав сена, восстановить и расширить посевы клевера, люцерны? Это будет неслыханное богатство Львовщины! Разве не поможет нам сладкий люпин, собственные семена которого уже может иметь каждый колхоз? Разве не созрели для соревнования с голландцами такие наши доярки, как пятитысячница Омелько и ее подруги?

Вы присмотритесь, как глубоко, с удовлетворением переживают пожилые львовские крестьяне улучшение дел на фермах, как любят хороший скот, гордятся им! В воскресенье в одном селе вижу: идут к колхозной ферме степенные люди, в праздничной одежде, в начищенных сапогах посмотреть, поговорить о лучших животных, о рекордах продуктивности. Одному колхознику предложили перейти на работу в другое село, тот и так и этак упирается, наконец объясняет: «Как же уходить мне, ферма-то у нас какая? Как магнитом притягивает!»

Я слушал эти горячие слова секретаря обкома, полные уважения, любви к труду животновода,

и мне вспоминалась такая, недавно увиденная сценка на дороге.

Черкасская область, Шрамковский район. Кажется, 221 километр от Киева. Сидит на обочине шоссе девушка в белой косынке, около нее ящик с красками, кисти. Пастух присел рядом, смотрит, как рождается картина. Перед юной художницей — чудесное зеленое пастбище. В сочной зелени, в солнечных лучах колхозное стадо свиней.

Милая девушка, ты, может быть, и не подозреваешь, что своей кистью очень хорошо вступаешь в спор с далекими от жизни людьми в искусстве, которых до сих пор смущает появление на полотне свиньи или коровы. Вот у голландских живописцев — их не коробит ни «Возвращение стада», ни «Ферма»... А у нас, мол, не будет ли это «грубым приспособлением к заказу времени»?

Истинное и полное уважение к благородному труду животновода, может быть, впервые в истории утверждается именно в наше время, на нашей земле!

Не это ли и привело девушку с ее маленьким походным мольбертом на зеленый колхозный луг?

— Как же ваш колхоз называется?

— Имени дважды Героя Советского Союза Бондаренко. Это земляк наш, из нашего села. Поезжайте вон к тем строениям. Там и бронзовый бюст Герою посмотрите...

...Вновь дорога, и вновь почти до горизонта темнеющий лес кукурузы.

— Это кукуруза на Украине гонит молоко да мясо на свиньях наращивает,— без обиняков определил Макар Кузьмич Дудченко, видавший виды председатель колхоза из Ново-Воронцовки на Херсонщине, неизменно, еще с молодых лет, когда он служил во флоте, величающий себя «казаком Дудкой».

И действительно, какой области ни едешь, нет края и счета этому «зеленому секрету». И где же нам было его заснять, «казака Дудку», как не среди роскошного поля гибридной кукурузы, если Макар Кузьмич признался:

— Часом нападет усталость, или, как говорится, хандра, так я — на это поле... Омолаживает, честное слово, омолаживает. Силы-то сколько! Кажется, так и брызжет жизнью.

А после легкого вздоха добавил уже озабоченно:

— Центнеров шестьдесят с гектара зерна даст, как вы думаете? Или семьдесят?

От такого поля и центнеры и песни. Центнеры мы тоже еще иногда теряем, а песни явно запаздываем собирать. Но ведь связало уже, крепко связало крылатое народное слово два понятия: «кукуруза» и «достаток».

Километр за километром в один долгий путь сливается дорога, но у каждого километра своя частушка, співаночка, коломийка, и дорога сплетает их в какую-то цельную, большую и мудрую, веселую и энергичную думу.

Где-то около Броваров звонко запевают:

Кукурузочка моя,
Там, где ты размножена,
Там оплата трудодня
На четыре множена...

И там, где течет Горынь, на Ровенщине, отвечают этой співаночке:

Протекает в дали синей
Полноводная река.
Больше, чем воды в Горыни,
Мы надоим молока...

А одно харьковское село с веселой усмешкой басит в ответ:

Будут наши свиноматки
Нынче веселы и гладки,
Им такого силоса
Никогда не снилося...

Тогда Волынь откликается резонной поправкой:

Е у нас такі ще «друзі» —
Дуже люблять ковбасу.
А не вділять кукурудзі
Ні уваги, ни часу.

Нет, это не отвлеченный песенный разговор. Это и драгоценная летопись живых имен реальных творцов народного достатка.

Поет, рассказывает Тернопольщина:

Ой, гукнула з Мельниці Долинюк,
Відповів з Борщеева ій Мартинюк,—
Ланкова с Заліщиків Карелюк,
Друзі і подруженьки вмілих рук,
Йдуть на голос партії звідусіль
Друзі і подруженьки з різних сіл...

В каждом селе гордость за своих передовиков, люди любуются трудовым достоинством, патриотическими делами друг друга. В Заставновском районе на Буковине распевают:

Працювати добре вміє,
Нехай знае весь народ:
Наша Шелегон Марія —
Ліпший кукурудзовод.

Еще речка, еще долина — и опять новое имя.

...Далеко теперь на географической карте страны достает кукурузный початок,— думается, что и без перевода понятны будут и близким и далеким друзьям Украины те чувства и мысли, которые вложил народ в эти «кукурузные» частушки и песни!

А пока надо еще кое-что рассказать о беседе с Макаром Кузьмичом. Он, между прочим, напомнил мне разговор, который года два назад мы вместе слышали у них в районе. Речь шла о затяжном отставании одного из колхозов.

— Что думаете с ним делать? — спросили тогда у одного из руководителей района.

— Думаем туда выдвинуть председателем товарища С.

— Знаете этого товарища? Откуда он? Какой у него опыт, подготовка, какие организаторские способности? Что говорят об этой кандидатуре колхозники?

Оказалось, товарищ С. работал в одном из районных учреждений на спокойной, кабинетной работе, раньше когда-то уже был председателем колхоза, дело вперед подвинуть не мог, «вообще товарищ ничего, но вот как раз насчет организаторских способностей слабоват», и колхозники его кандидатуру поддерживают очень неохотно.

— Почему же вы остановились на товарище С.?

— Все-таки он будет лучше теперешнего председателя, тот совсем не тянет!

— Лучше, но настолько ли, насколько требует дело?

Кто-то из участников беседы живо и очень метко подхватил тогда эту мысль:

— В самом деле, вот мы достаем очередную «кадру» из «архива», а жизнь ушла вперед, жизнь давно диктует другие мерки. И то, что товарищ С. будет «чуть сильнее» теперешнего, совсем никудышного председателя,— очень слабое утешение! Сейчас, если разобраться, нам на каждый колхоз настоящий деятель нужен. Вот видите мою фигуру? Какой костюм мне бы подошел? Если точно сказать,— 56-й размер. Но вы не посчитались с этим, приносите мне 46-й. Как ни верти, мал, издевка какая-то, а не костюм. Вы забираете 46-й и приносите взамен... 48-й. И при этом, не моргнув, заявляете, что этот костюм больше, чем прежний. Больше-то больше, но, помилуйте, этому тоже далеко до 56-го, а мне же никак нельзя без 56-го размера, такой уж вырос человек!

С удовольствием вспомнил Макар Кузьмич этот разговор, это сравнение, чтобы сделать вывод:

— «56-х размеров» у нас в районе теперь больше стало, почти на каждом колхозе подходящие номера. Вот еще откуда новые темпы! Разве когда-нибудь наш колхоз в соревновании брал серьезно в расчет своего соседа? Все знали, что он «в затяжном прорыве». А теперь попробуй не уследи за ним! Там теперь замечательный специалист председателем — товарищ Ассеев. Что же вы думаете, на втором месте во всей области по удоям молока этот «прорывной колхоз»! Уже в прошлом году по 4 килограмма хлеба и по 4 рубля деньгами на трудодень дал. И товарищ Ассеев всенародно заявил так: чудес не обещаю, но в этом году будем иметь на 100 гектаров угодий не меньше 130 центнеров молока, а в 1958 году — 315 центнеров. Видите, какой расчет? Этот посчитает! Да кто сейчас у нас не считает? Все считают, особенно молоко, потому и соревноваться, по правде сказать, трудно стало...

На какую-то минуту Макар Кузьмич задержался в беседе около поля подсолнечника.

— А ведь это, между прочим,— тоже молоко, только еще не все это учитывают. Добавьте к кукурузному корму подсолнечного жмыха — другие удои. После какой-то черты кукуруза надоев не прибавляет. Хочешь идти за 2 тысячи килограммов, разнообразь корма. Больше белков корова требует. Где хочешь доставай белок. Есть у тебя люцерна, или соя, или горох, кукуруза только поблагодарит. Может быть, близ моря живешь, есть рыбные отходы,— отлично, добавляй к кукурузе. Или с мясокомбината какая-нибудь костяная или кровяная мука — тоже просится в рацион. Вот это и будет хозяйское использование кукурузы. Мы, сказать по правде, с этой целью подсолнечника сверх плана посеяли. Будем в колхозе бить масло, нам много жмыха надо. На чем же нам Ассеева обходить, как не на белке?

Макар Кузьмич говорил это с такой убежденностью, что я подумал: кукурузный «секрет» Украины всем, очевидно, теперь ясен. Надо передать товарищам и то, что думает «казак Дудка» о белковых добавках к кукурузе. Это не повредит.

— Это кукуруза на Украине гонит молоко да мясо на свиньях наращивает,— без обиняков определил Макар Кузьмич Дудченко.

В канун большого национального праздника Индонезии — День провозглашения Республики — в Москве в выставочном зале Оргкомитета Союза советских художников открылась выставка произведений современных индонезийских художников. Выставка знакомит зрителей не только с искусством Индонезии, но и с жизнью и бытом народа. Жанровые и документальные фотографии, ткани — батик, вышивки, деревянные скульптуры с острова Бали, куклы-марионетки, живописные произведения говорят о большом таланте народа Индонезии.

На снимке: Временный Поверенный в делах Республики Индонезии в СССР г-н Амран выступает на открытии выставки.

ВСТРЕЧА НА ЧАНЧУНЬСКОМ ЗАВОДЕ

Этот фотоснимок прислан из Китайской Народной Республики. Он рассказывает о встрече двух друзей, происшедшей на Чанчуньском автомобильном заводе. Рабочий цеха шасси этого завода товарищ Ло Мин-чан два года назад проходил обучение в Советском Союзе. На Московском автозаводе он подружился со старшим мастером И. М. Монаховым, под руководством которого осваивал работу на шлифовальных станках. После окончания учебы Ло Мин-чан вернулся на родину и стал работать на строительстве первого в Китае автомобильного завода. Когда началась сборка оборудования, туда приехала группа советских специалистов, чтобы помочь китайским друзьям. Среди этих специалистов был и И. М. Монахов.

И. М. Монахов, Ло Мин-чан (второй слева) и другие китайские рабочие за наладкой шлифовального станка в цехе шасси.

Фото агентства Синьхуа.

23 августа — День освобождения Румынии

УРОК ГЕОГРАФИИ

Я была еще маленькой, когда впервые познакомилась по учебнику с городами нашей родины. Усердно вызубренный, перечень этих городов прочно засел в памяти. И вот привычный порядок разлетелся в прах: город Виктория! Его не оказалось в моем географическом багаже.

...Смотришь в окно вагона, и кажется, что пересекаешь необъятную сцену, где на твоих глазах беспрерывно сменяются декорации. Наши города и села словно снялись с якоря неподвижного прошлого.

Остановка в Хунедоаре. С холма Гизида виден, как на ладони, новый город сталеваров. Вот, например, дом № 46, в котором, кажется, 25 квартир. Но что это? На дверях одной из квартир чья-то рука написала мелом: «№ 2000». Стало быть, это двухтысячная квартира нового города! И это помимо множества индивидуальных домов!

А вот Лунка-Помостулуй — родная сестра старой Решицы. Дома чуть поменьше, в виде кокетливых горных дач, дома трехэтажные, многоквартирные, улицы, уже получившие названия, аллеи и скверы встречают вас видом настоящего города, хотя селению едва исполнилось десять лет.

Поезд примчал нас к месту назначения.

Прежде всего устремленные ввысь фабричные трубы химического комбината. Затем под покровом строгих и молчаливых горных громад появляется и сам город. Его возраст — шесть лет. Приметы: отсутствие окраин, отсутствие дыма — квартиры отапливаются натуральным газом,— отсутствие мощеных дорог, хотя некоторые уже асфальтированы. Местные жители и власти все еще недовольны строительным трестом, который просто не успевает немедленно удовлетворять все их требования... Повсюду новые постройки, голые каркасы, леса. Темпы строительства достигают в Виктории своего кульминационного пункта.

...Покидаю город с уверенностью, что заполнила пробел своих знаний по географии родной страны. Спокойно беру газету, и, когда поезд трогается, взгляд падает на небольшую заметку: «Будет новый город»: «На железнодорожной линии Тырговиште — Пьетрошица появился недавно новый вокзал — полустанок Дойчешты. Недалеко от вокзала, вблизи стройки теплоэлектростанции, вырос поселок с домами в три этажа, обитателями которых являются рабочие этой теплоэлектростанции...»

Так, значит, урок географии не кончился. Да, я думаю, и не могло быть иначе.

М. ИОНЕСКУ

Бухарест.

Центральная улица Виктории носит имя Ленина.

СПУСТЯ ТРИДЦАТЬ ДВА ГОДА

Август 1924 года. Краснофлотцы «Авроры» и «Комсомольца» у норвежского берега.

Фото из фондов Центрального военно-морского музея.

Несколько дней в Ленинграде находилась с визитом дружбы эскадра военно-морского флота Норвегии. У норвежцев было много интересных встреч с советскими людьми. Побывали они и на легендарном крейсере «Аврора».

...Норвежские моряки рассматривают редкий снимок. На нем запечатлено событие, относящееся еще к 1924 году: краснофлотцы с «Авроры» и учебного судна «Комсомолец» на катере и баркасе идут к норвежскому берегу. Это был первый заграничный поход молодого советского военно-морского флота.

— О,— воскликнул норвежский гость,— я вижу Берген!

— Вначале нас встретили в Норвегии несколько настороженно,— рассказывает полковник Федор Иванович Демидов, участник этого похода.— Но скоро лед был сломлен. В честь советских моряков молодежь устроила в клубе большой вечер. Мы быстро нашли общий язык, веселились, пели песни, фотографировались. Потом гуляли по улицам города. Были в гостях у рабочих. Провожали нас с музыкой, дарили цветы и открытки.

...Норвежские гости с интересом осматривают крейсер и с благодарностью вспоминают подвиги советских военных моряков в дни второй мировой войны.

— То, что мы видели и услышали на «Авроре»,— все очень интересно,— сказал норвежец Хуго Янсен.—Мы с вами соседи, и, как полагается хорошим соседям, мы друзья.

К. ЧЕРЕВКОВ

Август 1956 года. Норвежские военные моряки на крейсере «Аврора» беседуют с полковником Демидовым (в центре).

Фото автора.

Корабельный лагерь

Недавно в газетах сообщалось о группе московских школьников, членов клуба «Юных полярников и моряков» Москворецкого детского парка, отправившихся в экспедицию в Арктику на теплоходе «Сестрорецк».

Но уехала только маленькая группа. Чем же заняты остальные члены этого многочисленного клуба?

Недалеко от Москвы, на берегу водохранилища, расположился «Корабельный лагерь» клуба. У причала стоят несколько моторных катеров, шверботов, шлюпок и прогулочных лодок. Возглавляет всю эту флотилию белоснежный красавец — винтовой пароход «Маршал Жуков», переданный клубу Министерством речного флота РСФСР.

Живут ребята в лесу, в палатках. Сами готовят себе пищу, производят уборку лагеря, работают на лагерной электростанции и несут службу на судах. Здесь они под руководством опытных инструкторов овладевают профессиями рулевых, матросов, мотористов, механиков, кочегаров и связистов

Юные моряки Валя Яковлева и Юра Пукало на судне.

Фото О. Кнорринга.

Лагерь расположен в лесу.

ВЕЛИКИЙ ПОЭТ БЕЛОРУССКОГО НАРОДА

Смерть оборвала жизненный путь выдающегося сына белорусского народа, его самого талантливого писателя и крупнейшего ученого. Велика наша утрата. Велико горе Белоруссии. Но сквозь печаль все четче, ярче проявляется могучий облик этого замечательного поэта-революционера.

Народный поэт Белоруссии Якуб Колас (Константин Михайлович Мицкевич) родился в 1882 году. Сын крестьянина-бедняка, он стал поэтом-революционером в бурные годы первой русской революции. Он испытал все, что испытал его родной народ: и голод, и холод, и безработицу, и бесправие, и ужасы нескольких войн. С юношеских лет он выступает как активный борец против социальной несправедливости, борец за лучшую долю народа. И никакие преследования царской полиции не сломили его волю и веру в лучшее будущее.

За полвека своей литературной деятельности Якуб Колас создал целую библиотеку мудрых и правдивых книг. Среди них такие выдающиеся произведения, как поэма «Новая земля» — эта своеобразная энциклопедия жизни белорусского народа на рубеже двух столетий. Советский читатель полюбил поэмы Якуба Коласа «Симон-музыкант», «Хата рыбака», повести «Трясина», «На просторах жизни», трилогию «На перепутье», десятки сборников стихов и рассказов. На этих произведениях Якуба Коласа воспитывалось не только несколько поколений белорусских писателей, но и многие поколения белорусского народа. Его произведения сегодня можно найти в крестьянских домах многих стран.

Якуб Колас до последнего дня не жалел своих сил для общественного дела. Он был членом ЦК КПБ, депутатом Верховного Совета СССР и Верховного Совета БССР, председателем республиканского Комитета защиты мира, членом правления Союза писателей СССР и БССР. Его жизненный путь отмечен всенародной любовью, уважением и признанием. В жизни он был прост и доступен, чуток к людям и принципиален. Эти черты мы всегда найдем и у его литературных героев. Огромный талант Якуба Коласа в целом был отдан делу трудового народа. Из чистой криницы его поэзии советские люди долго будут пить правду жизни.

Пимен ПАНЧЕНКО

Минск.

Посылка из Бирмингама

В Свердловский городской Совет почта доставила два больших, аккуратно запакованных ящика. Они прибыли из Англии — из города Бирмингама. Бирмингамские школьники прислали в дар юным свердловцам детские книги на английском языке. Во многие книги были вложены записки, в которых молодые бирмингамцы сообщают свои адреса, выражают чувства братской дружбы своим советским сверстникам, говорят о желании установить с ними регулярную переписку.

Любопытна история этой посылки. В прошлом году Свердловск посетила делегация муниципального совета Бирмингама во главе с лорд-мэром города Артуром Гибсоном. Большое впечатление на английских гостей произвели Свердловский Дворец пионеров и школы. Господин Грег, бывший в составе бирмингамской делегации, после возвращения в Англию сообщил в Свердловский горсовет, что жители Бирмингама с большим интересом слушали отчеты о поездке, смотрели фильм, заснятый в Свердловске.

«Лорд-мэр записал на пленку комментарии к фильму, и этот озвученный фильм демонстрировался во многих местах нашего города большому количеству зрителей,— говорилось в письме Грега.— Среди них было много школьников. Они особенно интересовались кадрами из фильма, где засняты ваши школьники...»

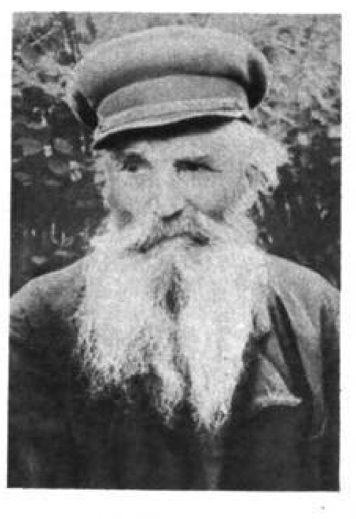
Узнав о том, что в советских школах изучают английский язык, школьники Бирмингама решили послать в Свердловск библиотеку английских книг. В ней свыше трехсот томов книг для детей младшего возраста и юношества.

Из Свердловска в Бирмингам отправлены десятки ответных писем.

А. ГРИГОРЬЕВ

Фото П. Абакумова.

ЦУСИМОВЕЦ РАБОТАЕТ В КОЛХОЗЕ

Многие в Ядринском районе, Чувашской АССР, знают 80-летнего колхозника Василия Григорьевича Карпова. Он был участником Цусимского сражения, служил в то время электротехником на одном из миноносцев. Карпов охотно рассказывает колхозникам, особенно молодежи, о том, как мужественно воевали русские моряки, как затонул геройский крейсер «Варяг».

Василий Григорьевич еще бодр, работает в колхозе по ремонту телег и другого инвентаря. В прошлом году он выработал около 140 трудодней.

А. АНДРЕЕВ

Б. Нушич и А. И. Южин-Сумбатов

Фотографию эту нам подарила Гита Нушич — дочь Бранислава Нушича, знаменитого югославского драматурга, автора комедий «Госпожа министерша», «Д-р», «Господин покойник» и других, получивших за последние годы известность далеко за пределами его родины. Мы встретились с нею в мае этого года, когда гастролировавшие в Белграде артисты Художественного театра собрались на могиле выдающегося драматурга, чьи пьесы так полюбились нашему зрителю.

Гита Нушич, сама в недавнем прошлом крупный деятель югославского театра, была глубоко растрогана вниманием, которое оказали памяти ее отца русские артисты. «Если бы мой отец знал, какую популярность приобрело его имя в России,— сказала Гита Нушич,— он был бы счастлив так, как никогда не был счастлив за всю свою долгую и богатую триумфами жизнь. Русская литература и русский театр всегда были для Бранислава Нушича воплощением самых высоких и чистых эстетических идеалов. Недаром сам он всегда считал себя учеником великого автора «Ревизора» и даже называл свои смешные и злые комедии «гоголиадой».

Мы попросили Гиту Нушич подробнее рассказать нам о связях Б. Нушича с русским театром, и тогда она передала нам публикуемую здесь фотографию ее отца, на которой он изображен вместе с известным русским актером и драматургом А. И. Южиным-Сумбатовым. Знакомство замечательных славянских театральных деятелей состоялось в 1901 году, когда А. И. Южин с огромным успехом гастролировал в Сербии. Во время этих гастролей Нушич и Южин неоднократно подолгу беседовали о путях развития сценического искусства в славянских странах, и эти беседы навсегда сохранились в их памяти. Вот почему Нушич был глубоко взволнован, когда в 1924 году, в дни своего юбилея, он получил из далекой Москвы сердечную телеграмму от своего друга. «Шлю самые сердечные поздравления дорогому юбиляру,— писал Южин,— с горячей любовью вспоминаю ваше незабываемое гостеприимство 1901 года желаю славному писателю долгих лет здоровья бодрых сил полного счастья». Текст этой телеграммы бережно сохранился в семейном архиве Нушичей в числе самых дорогих реликвий.

Бранислав Нушич и А. И. Южин-Сумбатов.

Е. СУРКОВ

Николай ДРАЧИНСКИЙ
Специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора.

Во дворе Каирского университета.

Будущее Египта

Глаза влюбленного

Разговаривая с различными деятелями молодой республики Египта, я то и дело слышал: «Через двадцать лет у нас будет...», «Мы составили план реконструкции на тридцать лет...». Первое время эти сроки несколько смущали. Но потом стало ясно: это приметы молодости древней страны. У народа, вырвавшегося из оков, открылись ясные перспективы, и он смотрит далеко вперед. И потом в стране, история которой измеряется пятью тысячелетиями, тридцать лет не кажутся долгим сроком. Уже сегодня строятся фабрики, заводы, большие гидростанции, осваивается пустыня. Национальный доход на душу населения за тридцать предреволюционных лет сократился почти вдвое. За три последних года он возрос на одну шестую.

Дети — надежда и будущее каждого народа. Врач Аббу Сири Мухаммед, человек с усталым лицом и умными печальными глазами, показал мне статистику. До революции в округе, где он практикует, каждый третий ребенок умирал, не дожив до пяти лет. Мы разговаривали с ним в новой больнице, которая построена в деревне год назад.

В нынешнем Египте многое делается для подрастающего поколения. Новые школы, больницы, детские сады — это будущее, которое возникает сегодня.

Старейший режиссер египетского кино, постановщик известного во многих странах фильма «Зейнап» Мухаммед Керим говорил мне, что любовь к детям и своей земле — две самые сильные страсти египтянина, слитые в его воображении в одну.

Несмотря на перенаселенность и тяжелые условия жизни, из Египта никогда не было эмиграции. Почему? Вместо ответа Мухаммед Керим рассказал мне одну историю из тех, что бытуют в народе.

Юноша полюбил девушку, но очень страдал, не встречая взаимности. Друзья всячески его утешали. «Ну что хорошего ты в ней нашел?!» — возмущенно говорил один из них. Влюбленный ответил: «Возьми мои глаза, и ты увидишь».

— Глазами влюбленного смотрит египтянин на свою страну,— закончил Мухаммед Керим.

Грамотными станут все дети

Министр просвещения Камаль эд-Дин Хусейн принял меня в своем кабинете. Он человек крепкого сложения, с открытым, проницательным взглядом больших черных глаз, бывший майор артиллерии и преподаватель колледжа Генерального штаба. Камаль эд-Дин Хусейн — один из организаторов и активных участников революционного переворота.

— Египет,— сказал он,— страна, где подавляющее большинство населения было неграмотным. Революция открыла возможность преодолеть эту отсталость, дать образование каждому гражданину республики. За последние три года в стране идет широкое школьное строительство. И все же пока только немного более пятидесяти процентов детей могут учиться. Правительство разработало программу на десять лет. В течение этого времени все дети будут охвачены бесплатным обучением. При этом предполагается не только ликвидировать неграмотность, но ввести обязательное шестилетнее обучение. Чтобы осуществить эту программу, нужно много средств для строительства школ, требуется подготовить 40 тысяч новых учителей. Но мы уверены, что намеченная программа будет выполнена в срок.

В стране развивается национальная индустрия. Это требует большого числа квалифицированных рабочих. Поэтому во многих школах наряду с общеобразовательной подготовкой введено обучение профессиям.

После революции резко снижена плата за обучение в университете. Это открыло путь к высшему образованию людям, которые раньше были лишены этой возможности. Число студентов почти удвоилось. Скоро откроется еще

Дети феллахов Зейн Абдин, Сеид Ахмед и Фахми Бахит в Асьютской ремесленной школе.

Министр просвещения Камаль эд-Дин Хусейн.

один университет. В правительстве обсуждается вопрос об учреждении политехнического института.

Я спросил министра о перспективах культурного сотрудничества между Советским Союзом и Египтом.

— Мы стремимся развивать связи с любым государством, которое не посягает на наш суверенитет,— сказал министр.— Дружественное культурное сотрудничество между двумя нашими странами растет с каждым днем. В Советском Союзе побывали наши врачи, ученые. Здесь гостили ваши артисты, спортсмены, художники. Я уверен, что эти культурные связи получат еще более широкий размах.

За время, прошедшее после этой беседы, в Советском Союзе побывали египетские спортсмены, работники кино, ученые. Недавно телеграф сообщил, что в Каире подписано соглашение: Советский Союз построит в Египте лабораторию для атомных исследований. Соглашение подписали посол СССР Е. Д. Киселев и министр Камаль эд-Дин Хусейн.

Зейн хочет строить Высокую дамбу

В кабинете губернатора провинции Асьют стоит большой щит. На нем 46 фотографий тучных людей в фесках. Это бывшие губернаторы, начиная с 1905 года. Имеется также несколько свободных клеток для портретов будущих глав провинции. Сорок седьмой губернатор, генерал Баюоми Хашим, сидит за массивным письменным столом, покрытым толстым стеклом, и не спеша отвечает на мои вопросы.

— В районе Асьюта,— говорит он,— растет лучший в Египте сахарный тростник. Поэтому здесь предполагается построить сахарные заводы. Они и будут главными промышленными объектами в городе. Наш город знаменит, кроме того, своими ремеслами. Здесь работают лучшие резчики слоновой кости, чеканщики меди, асьютские ковры известны во всем мире. Очень рекомендую вам побывать в нашей ремесленной школе, где готовятся квалифицированные мастера. Я поручу одному из моих офицеров сопровождать вас.

Вскоре в кабинет вошел высокий черноусый капитан и сказал по-русски с гортанным восточным акцентом:

— Я не говорю по-русски... Я тебя люблю. Спасибо.— И, ослепительно улыбаясь, добавил по-английски: — Это все, что я знаю.

Капитан Вагиб во время войны побывал в Москве в составе военной миссии. Пока мы ехали в школу, он вспоминал москвичей, Большой театр, метро.

Когда мы познакомились с директором школы Махмудом Сеидом Абделом Вагабом, капитан шепнул мне: «Это самый крупный специалист по коврам в Египте».

По пути в ковровый цех директор, непрестанно перебирая четки, рассказывал о школе. Училище основано до революции. Но раньше оно готовило лишь ковровщиков, резчиков по слоновой кости и черному дереву, инкрустаторов. Плата за обучение была высока.

Теперь здесь в пять раз больше учеников, чем раньше. Плата за обучение отменена, более того, подростки получают бесплатный обед. Школа выпускает квалифицированных мастеров одиннадцати индустриальных профессий. По установленному порядку не менее половины учеников должны быть детьми неимущих людей. Мы вошли в цех, тесно заставленный станками. Вначале они были совсем маленькие, но в конце длинного зала достигали огромных размеров. У каждого станка — два подростка и мастер. Три дня в неделю ребята изучают математику, историю, родной язык; три дня работают в мастерской, постигая древнейшее искусство восточных ковроделов.

Асьютские ковры — двусторонние, они не имеют изнанки. Глядя на них, нельзя было не залюбоваться чарующей прелестью арабского орнамента. На каждом квадратном метре такого ковра полмиллиона узлов, завязанных трудолюбивыми и умелыми руками.

Затем мы побывали в мастерских, где обучаются будущие токари, автомеханики, сантехники, кузнецы, слесари, столяры. В литейном цеху возились у опоки три друга — Зейн Абдин, Сеид Ахмед и Фахми Бахит. Все они из одной деревни, где много крестьян и мало земли, как всюду в Египте. Разумеется, они очень рады, что поступили в школу. Где они будут работать, получив диплом? За всех ответил Зейн:

— Мы хотим строить Высокую дамбу.

Юный скульптор Мухаммед Рифаи.

Генеральный директор строительства на Верхнем Ниле, крупнейший гидротехник Египта Ибрагим Заки Кинаури, рассказывая о проекте Высокой дамбы, говорил мне:

— Людей у нас более чем достаточно. Но у нас не хватает квалифицированных рабочих. Мы надеемся получить их из ремесленных школ, число которых все растет.

Высокая дамба стала символом индустриализации нового Египта. Сын безземельного феллаха становится промышленным рабочим. И это не просто факт биографии Зейна. Это — важное явление в истории страны.

Искусство и жизнь

На киностудии «Мыср» в Каире мне пришлось быть свидетелем стихийно возникшей в перерыве между съемками дискуссии кинематографистов. Она возникла после того, как начальник лаборатории инженер Абдель Хафыз сказал: «Смотришь на экран: артисты — арабы, говорят по-арабски, а играют... по-голливудски». Начался бурный разговор о создании подлинно национального стиля в египетском кино.

Об этой дискуссии я вспомнил в городе Асьюте, в школе второй ступени. Мы приехали туда несколько поздно: занятия закончились, классы пусты. Но в одной комнате было много учеников. Здесь под руководством педагога-художника трудились юные любители изобразительных искусств. Художник, высокий человек с впалой грудью, рассказал, что школьники очень любят рисовать, писать красками, но больше всего — лепить.

Не следует строго судить о художественных достоинствах работ юных скульпторов, но нельзя не отметить одного важного качества этих работ — злободневности. Юные ваятели — дети феллахов и вообще людей, имеющих ограниченный достаток. В резкой и прямолинейной символике своих скульптур они выражали то, чем живет ныне страна. «Построим Высокую дамбу», «Английская армия уходит из Египта», «Феллах получает землю» — так назывались первые композиции, которые нам показали.

Ученик Мухаммед Рифаи (педагог считает его самым способным) заканчивал аллегорическую группу «Народ поднимается к образованию». Он показал еще одну свою работу: два человека застыли в крепком объятии... Подпись: «Египтяне и суданцы — братья». Юному ваятелю едва ли известны слова Уинстона Черчилля: «Нил напоминает гигантское дерево, корни которого в Судане, а плоды — в дельте». Но мальчик, как умел, выразил стремление двух народов к дружбе, продиктованной самой природой: все крупные гидротехнические работы на Ниле касаются Египта и Судана одновременно.

Колонизаторы потратили немало усилий, чтобы посеять вражду между мусульманами и египетскими христианами — коптами. Эти попытки ни к чему не привели: весь народ единодушно выступил против иноземных оккупантов. И тринадцатилетний ваятель Абдеррахман, изобразив двух людей, крепко взявшихся за руки, назвал свою скульптуру «Мусульмане и копты — один народ».

Таковы сюжеты, которые избирают для своих работ дети Египта.

Учитель Ибрахим

Деревня Валедия, прикрытая зеленым шатром смоковниц, стоит на берегу Нила. Земли у здешних феллахов мало. Поэтому многие из них промышляют рыболовством. Тут живет много лодочников, которые на своих фелюгах перевозят мелкие грузы от самого Ассуана до Дамиетты. Берег — центр деревенской жизни. Здесь всегда людно, пахнет рыбой, перегретой пылью и луком. На деревьях и камнях сушатся сети, сплетенные так хитроумно, что в том месте, куда попадает рыбка, она тотчас затягивается мешочком.

На берегу под баобабом плотник Миялла Моркус мастерил что-то из обломков фелюги. У него седая борода, вздутые вены на босых ногах, весь он, сухой, сморщенный, выглядит глубоким старцем. Я очень удивился, узнав, что ему только сорок пять лет. Его облик говорил, что человек жил трудно, много работал и очень редко ел досыта. У Мияллы жена и четверо маленьких детей. Старшему сыну наступает время идти в школу. Вместо ответа на мой вопрос, будет ли его сын учиться, плотник пустился в долгие рассуждения о тщете науки и поведал одну из тех бесчисленных историй, которые любят рассказывать на Востоке. Миялла говорил долго, украшая рассказ всевозможными подробностями. Но смысл басни сводился к следующему. Один грамотей стыдил и упрекал лодочника за то, что тот не умеет читать, хотя всем известно — грамота помогает человеку. Но когда лодка перевернулась, ученый стал тонуть. Лодочник вытащил его на берег и сказал: «Ну, помогла тебе твоя грамота, если ты плавать не умеешь?»

Я так и не узнал конца этой истории, ибо Миялла неожиданно прервал свой рассказ, отложил пилу и направился к шедшему мимо человеку в белой длинной, до пят, рубахе-галабее, поверх которой был надет пиджак европейского покроя. Был он совсем молод. Но седобородый плотник разговаривал с ним почтительно. Это местный учитель Насер Адалла Ибрахим, и плотник просил его устроить в школу своего сына. В роду Мияллы еще не было ни одного человека, который мог бы написать свое имя. Басня басней, а жизнь есть жизнь.

Учитель Ибрахим только недавно вернулся в деревню, где он родился и рос. У отца, феллаха, был всего один феддан земли. Феллаху трудно было лишиться помощника в своем убогом хозяйстве, но он уступил уговорам шейха и направил способного мальчика в город, в школу второй ступени. Год назад Ибрахим закончил школу и как один из лучших учеников попал на учительские курсы. Вот и вся его короткая биография, которую он рассказал мне, пока мы сидели на камнях на берегу великой реки.

Я спросил у Ибрахима, что нового он заметил в родном селе.

— Школа, в которой я работаю, открыта в прошлом году, — ответил учитель.— В ней учится тысяча детей днем, двести пятьдесят — вечером. Это самая главная новость.

Школа, в которой учатся Имам и Мухаммед, открыта в Каире в этом году.
Фото Н. Драчинского.

Каир. Корниш — недавно реконструированная набережная Нила.
Фото Н. Драчинского.

РАССКАЗЫ О ДАЛЕКОЙ СТРАНЕ

•

Фрэнк ХАРДИ

Рисунки А. ВАСИНА.

2. Рождение борца

В основу этого рассказа положены действительные события, происходившие во время стачки портовиков в 1954 году. Я посвящаю его портовым рабочим Австралии, которых особенно злобно поносят, но которые, я в этом убежден, являются солью австралийской земли.

Даже когда стачка началась, Мэри Скиннидер продолжала думать все о том же: о ребенке, которого она носила под сердцем. Ее страшили, конечно, три остающиеся трудные недели беременности, самые роды, но радость ожидания, мечты о крохотном тельце, прильнувшем к груди, заслоняли все. Вот только Эдди попрежнему твердит, что если родится еще один мальчик, они отдадут его Майку и Норме Геррэн.

Он так и сказал недавно ночью, лежа в постели, сказал обычным, ровным голосом:

— Если будет снова мальчик, мы отдадим его Майку и Норме. Они очень любят детей, но своих у них не будет. А у нас уже есть трое мальчишек...

Мэри не нашлась, что ответить. Она знала, что Эдди не любит шутить, тем более такими вещами. Она видела, как подавлены Майк и Норма: ведь врач сказал им, что у них никогда не будет ребенка. Но... отдать свое дитя!

— Эдди, я... Я просто не хочу этого. Если ты любишь детей, если...

Он почувствовал испуг и растерянность в ее словах и тихо коснулся ее руки.

— Видит бог, Шорти [1],— сказал он мягко,— я люблю детей, ты знаешь это... Но ты пойми...

Да, он любил детей. Он был по-своему хорошим, хотя и не слишком нежным отцом.

— Майк и Норма,— терпеливо объяснял он,— тоже любят детей. Знаешь, что Майк сказал мне однажды? Он сказал: «У Нормы сердце разрывается, она тает, как свеча, жизнь наша потеряла всякий смысл...»

Мэри знала, что́ стоит за этим странным и жестоким требованием: Майк был лучший друг Эдди. Иногда ей даже казалось, что Майк значит в его жизни больше, чем она сама.

— Я не могу этого сделать, Эдди... Я не могу, ты просто не знаешь, что говоришь...

Но он снова пренебрег ее отчаянным и, казалось бы, решительным протестом.

— Если будет девочка, я тоже хочу оставить ее. Но я думаю так: если еще один мальчик...

Он неловко усмехнулся и добавил:

— Может быть, будет девочка. Тогда все решится само собой.

Она стала молиться: пусть ребенок будет девочкой. Но в глубине души она знала, что для нее это все равно. Мальчик или девочка — это ее, ее ребенок! И никому она его не отдаст, даже Майку и Норме.

Букмэкеры на рысистых бегах в Уолонгонге и порту Кембла жаловались: дела из рук вон плохи! Даже Мельбурнский кубок [2], и тот не принес оживления. В портах начиналась забастовка. Раньше, бывало, докеры и моряки не прочь были в день кубка рискнуть несколькими шиллингами, даже парой фунтов. В этом году охотников не находилось: никто ведь не знал, когда будет следующая получка. Рабочие других отраслей тоже стали подсчитывать сбережения: в огромном промышленном районе, где безраздельно хозяйничала Австралийская стальная компания, стачки не были редкостью, и все знали, чем это пахнет для рабочей семьи. И так уж повелось, что каждый привык помогать брату-забастовщику.

Весть о том, что в порту Кембла бросили работу, не застала семью Скиннидеров врасплох. Обошлось без лишних расспросов и споров, хотя Эдди и ожидал, что Мэри станет жаловаться: женщины в таком положении всегда нервничают, а тут еще у нее на руках трое сорванцов. Старший, Эдди, и средний, Тим,— эти двое были чистое божие наказание, а уж насчет младшего, двухлетнего Пата — «Тигр Келли», так прозвали его братья,— и говорить не приходится. Во всяком случае, Эдди готовился к тому, что Мэри начнет высчитывать, как трудно будет с деньгами; стачка — это ведь недели, даже месяцы без заработка; стачка — это долги, сложные отношения с домохозяином, с лавочниками.

Правда, стачки бывали не раз со времени их свадьбы, и Мэри всегда держалась «прочно», как говорил Майк Геррэн.

Супруги Скиннидер были оба хорошего происхождения: он — сын судового плотника из Клайдских доков в Шотландии, она — дочь портового рабочего из Сиднея. Им было всегда хорошо вдвоем, они привыкли делить горе и радости с соседями и друзьями, и стачки были неотъемлемой частью их жизни.

Угнетало Эдди только одно: ребенок, который должен был родиться в будущем месяце. Это давало Мэри полное право поворчать насчет того, что стачка не во-время, но она промолчала. Оба они, как и Майк и Норма, понимали, что стачка — дело неминуемое, и Мэри приняла это как должное; возможно, она надеялась в душе, что дело кончится победой. А спор по поводу его затеи отдать ребенка Майку и Норме как-то отодвинулся на задний план. Эдди решил отложить все до того, как ребенок появится на свет и Мэри вернется из больницы. Если будет девочка, тогда не о чем говорить, а если мальчик...

Эдди не замечал, что Мэри упорно продолжает думать об этом и с каждым днем становится все угрюмее и задумчивее.

— Не тревожься, Шорти,— сказал он ей в день начала забастовки. (Шорти — так он звал ее — было вдвойне подходящим ласкательным именем для нее: в девичестве ее фамилия была Шорт, и, кроме того, она была маленького роста).— Не тревожься, Шорти,— повторил он.— У меня в банке двадцать девять гиней. Как-нибудь вывернемся... А теперь я пойду в пивную, погляжу, там ли Майк, посижу с ним.

Майк стоял у стойки вместе с другими ребятами.

— Выпьем? — предложил Майк, худощавый, веснушчатый парень лет тридцати.

— Не ожидал попасть на пиршество,— усмехнулся Эдди.— Стачка идет...

— Ладно, будь что будет! — воскликнул Майк наигранно веселым тоном и подмигнул.— Надо, конечно, чтобы в кастрюле было хоть что-нибудь каждое утро; но не грех и пропустить стаканчик раз в месяц. Всего два «боба» [3] — и дело в шляпе!

— Бьешь меня моим же оружием,— сдался Эдди и протянул два шиллинга.

Эдди Скиннидер и Майк Геррэн жили в Австралии уже девять лет, и шотландский их выговор почти испарился, только изредка прорывался короткий гортанный звук, непривычный для австралийского уха.

Потолковали о Мельбурнском кубке. Спор разгорелся о том, лучшая ли лошадь «Райзинг-Фаст» после несравненного «Фар-Лапа», гремевшего в тридцатых годах. Эдди не очень увлекался бегами, его страстью была рыбная ловля, но в нынешнем году он собирался поставить на какого-нибудь фаворита Мельбурнского кубка и теперь чувствовал легкую досаду, что не смог сделать этого. Он медленно тянул пиво, опершись на край прилавка, и не вступал в спор: он вообще отличался молчаливостью и становился разговорчив только наедине с Майком или Мэри. Когда все стали толковать о стачке, он продолжал молчать. Товарищи говорили о судовладельцах, о правительстве, о том, что неплохо бы привлечь рабочих других профессий. Все хвалили речь, которую сказал сегодня на массовом митинге Билл Харкнесс, секретарь окружного профсоюза Уолонгонг-Кембла.

— Они хотят раздавить нас, как в Новой Зеландии! — кипятился Стэн Битон, приземистый и крепкий грузчик.— Но это им не Новая Зеландия! Билл Харкнесс предупредил нас: глядите в оба!

— Смотри, как бы они не начали снова набирать людей на погрузку по-старому, от ворот! Опять будет толкучка, каждый будет лезть вперед, как дурная овца: возьмите меня на убой!..

У говорившего это долговязого Томми Смита от возбуждения ходил вверх и вниз кадык.

— Я слыхал, что в АСПе [4] поддержали стачку. Значит, мы не будем сиротами,— слышался чей-то голос.

— Они что-нибудь придумают, будь я проклят! — кричал Майк.— Все профсоюзы, даже у шкиперов и моряков, имеют право следить, чтобы брали на работу их людей. Какого же дьявола Мензис и Холт [5] хотят это отнять у нас!.. АСП тоже должен что-то сделать.

— Большой Джим — парень дошлый. Он и до ветру не пойдет, прежде чем не убедится, что имеет поддержку АСПа,— сказал с веселой гримасой Томми Смит.

О Джиме Хили, секретаре Австралийского союза портовых рабочих, говорили с уважением. Пока Джим на месте,— все в порядке, Большой Джим не подведет.

— Ребята, кажется, держатся крепко,— сказал успокаивающе Майк.— Думаю, скэбов [6] не будет...

— Скэбы вышли из моды еще в 1928-м,— проворчал долговязый Томми, и в голосе его послышалось нечто вроде обиды на «иностранца» Майка: мыслимое ли дело, чтобы в австралийских портах появились штрейкбрехеры!..

— Ну, а в 38-м, когда вы отказались грузить чугун для Японии? — с невинно-лукавой улыбкой осведомился Майк.

— Их было всего четверо. Последыши. Мы им оказали честь: написали их имена на боль-

[1] Shorty — маленькая, коротышка (примеч. перев.).

[2] Традиционные ежегодные рысистые испытания на кубок города Мельбурна.

[3] «Боб» — шиллинг.

[4] Австралийский совет профсоюзов.

[5] Премьер-министр и министр труда.

[6] Штрейкбрехеров.

шом волнорезе! — ответил Томми и тоже улыбнулся.

— Долго протянется стачка, Эдди, как ты думаешь? — переменил разговор Майк.

Эдди, как всегда, подумал, прежде чем ответить.

— Наверное, долго. Уже выбраны комиссии — по пропаганде, питанию, медицинской помощи и другие. Это неспроста. Дело затяжное, если хочешь знать.

— Джентльмены, сожалею, но...— сказал кабатчик.

Время было кончать торговлю. Все разошлись в разные стороны. Эдди и Майк с минуту постояли, как обычно, на перекрестке.

Они были друзьями с детства, но здесь, в Австралии, увидели, что это — нечто большее: они стали «мэйтс», ближайшими, неразлучными приятелями. «Мэйтс» — одна из традиций, освященных долгими десятилетиями среди австралийских рабочих.

Оба работали в доках на Клайде, в Шотландии, как и их отцы и деды. Там и научились тому, что называется достоинством рабочего и солидарностью. Оба были тертые калачи, и тот и другой хлебнул солдатского горя. Взяли их в армию в самом начале войны. Остатки их воинской части отступали из Греции, потом пароход, на котором их вывезли, подорвался на мине недалеко от берега. Майка вытащили из воды полумертвого и эвакуировали в Шотландию, а Эдди добрался до берега и еще несколько лет воевал в отряде греческих партизан. Он много повидал и перенес; это сделало его молчаливым, замкнутым в себе.

Кончилась война, и оба снова очутились в Клайде. Но жизнь докера была тяжела в те дни, и оба поступили кочегарами на грузовой пароход, принадлежавший какой-то фирме в Сиднее. С тех пор они не возвращались в Англию: Австралия стала им второй родиной. Работа на судне была тоже не из легких. Через год они уже орудовали лопатой в другой кочегарке, вместе с веселыми, дружелюбными людьми, австралийскими моряками... Любовь посетила их тоже одновременно — пришлось распрощаться с морем. Обе девушки были местные уроженки и близкие подруги. Так уолонгонг точнее, порт Кембла, окончательно стал родным домом для двух непосед из Клайда.

Когда обе семьи собирались вместе субботним вечером, начиналась все та же шутливая игра. Майк был, собственно, ирландцем и только родился в Шотландии. Он сразу принимался распевать «Кевин Бэрри» и «Ирландского солдата», а Эдди перебивал его шотландскими песенками «Прогулка в сумерках» и «Мужчина всегда есть мужчина».

Раньше предметом шуток были и дети Мэри. Но теперь об этом старались не говорить. С тех пор, как врач вынес Норме свой приговор, прошло два года. Внешне все оставалось по-старому, иногда даже Эдди говорил намекающе Майку: «Стареешь, приятель!» Таким же шутливым тоном Майк предложил однажды: пусть четвертого мальчика Скиннидеры отдадут ему с Нормой! И Эдди, вообще не очень охочий до пустой болтовни, принял эти слова всерьез.

Когда он передал Майку свой ночной разговор с Мэри, тот закричал в испуге:

— Э, постой, парень! Это ведь была только шутка, право же шутка! Мы бы все отдали, чтобы иметь ребенка, но ведь не думаешь же ты...

Он увидел, что глаза Эдди смотрят серьезно и грустно. Эдди был его друг, «мэйт».

— Убирайся к дьяволу, старый ублюдок! — пробормотал Майк растерянно.

Так уж ведется в Австралии: самые закадычные друзья осыпают друг друга ругательными словами, тем самым подчеркивая свою близость.

В ста с небольшим ярдах от мыса лежал в море Каменный остров, там хорошо ловилась рыба. Почти рядом был еще один, побольше, именовали его Кроличьим, там тоже рыба брала великолепно. А дальше, за Кроличьим, торчала еще одинокая скала, прозванная Колпаком,— здесь-то и было самое рыбное место во всей округе. На Колпаке можно было за два часа наловить целую плетеную корзину лещей, но здесь уже давно не рыбачил никто. Место считалось опасным: бывали случаи, когда лодку рыболова разбивало вдребезги о камни. Один заезжий богатый джентльмен из Сиднея так и не вернулся с ловли у Колпака, и друзья даже назвали скалу другим именем, в честь покойного, но для местных людей она так и осталась попрежнему: Колпак.

Эдди был опытным и ловким рыболовом. Когда стачечный комитет поручил ему и еще нескольким портовикам промышлять рыбу для пропитания семей забастовщиков, ему, конечно, и в голову не пришло соваться на Колпак. Каменный, Кроличий — другое дело!

В первую неделю стачки правительство и судовладельцы делали все, чтобы сломить волю бастующих; печать, радио осыпали их яростной руганью, но все было напрасно. Портовики держались плечо к плечу, к ним сразу стала притекать помощь из других городов.

Стачечники часами простаивали на перекрестках города, протягивали прохожим листки, выступали с речами у ворот местных заводов; многие делали это впервые в жизни. Группами выезжали на грузовиках в деревню — собирать продовольствие у крестьян. Отголоски стачки неслись по всей Австралии. Ходили слухи, что правительство готовит какую-то провокацию.

Эдди все это, конечно, живо интересовало, но мысли его были теперь сосредоточены на одном: на рыбе. Он сам сказал на митинге, что отдает себя и свою снасть в распоряжение стачечного комитета. Случившийся тут же Билл Харкнесс предложил, чтобы снасть считалась взятой взаймы, а Эдди пусть берет себе часть улова за труды. Харкнесс сам был большим любителем порыбачить и знал, что нет во всей округе рыболова лучше Эдди. Так и порешили. А Майка включили в охотничью группу — стрелять кроликов.

Кормить надо было двести семей в одном только порту Кембла. На денежные пособия средств не хватало. В федерации портовых рабочих Австралии было до двадцати пяти тысяч членов; если даже считать по два фунта в неделю на семью, и то это составило бы неимоверно большую сумму, какой не было в кассе союза.

Приходилось нажимать на лавочников, чтобы отпускали продовольствие в кредит, пускать по городу подписные листы, устраивать лотереи, пополнять запасы продовольствия охотой и рыбной ловлей.

— Я бы, пожалуй, лучше пошел агитатором по заводам,— говорил Эдди Майку, когда они шли вместе домой.— Рыбная ловля — это ведь забава для меня, развлечение, а не работа. Я бы, пожалуй, лучше агитатором...

На лице Майка появилась обычная лукавая усмешка.

— Воображаю тебя на ящике из-под мыла: «Леди и джентльмены, прошу внимания!» Нет, с этим лучше держи в сторону!

— А почему бы и нет? — обозлился вдруг Эдди, которого нелегко было вывести из равновесия.— Я сказал бы речь не хуже, чем другие, будь спокоен. Конечно, опыта нет. Но в такое время поневоле станешь краснобаем.

— Да нет, я не сомневаюсь. Но вспомни, что говорил Билл Харкнесс: «Всякий пусть помогает тем, что умеет лучше всего».

Они постояли, как всегда, на углу, поболтали о всяких пустяках и разошлись. Но Майк вдруг вернулся и спросил небрежно, словно речь шла о неважном деле, хотя в голосе его звучала дружеская забота:

— Как себя чувствует твоя миссис?

Он, впрочем, знал, как она себя чувствует: виделись они не далее как вчера вечером.

— Она держится молодцом,— сказал Эдди, подходя к товарищу.— Да, я ведь хотел с тобой поговорить насчет ребенка...

— Выкинь это из головы, приятель! — крикнул Майк, уходя.

...Шел восьмой день стачки. Эдди встретился с Майком в стачечном комитете — это была маленькая комнатушка на одной из улиц в порту.

— Настреляли всего три десятка.— Майк был безутешен, охота за кроликами не ладилась.— Много семей осталось без мясного... Стачка разгорается, как костер, и все больше людей сидит без хлеба...

— С этой чертовой рыбой не лучше,— угрюмо ответил Эдди.— Наловили самую малость, женщины разобрали рыбу в одну минуту... Знаешь, брат, от нас с тобой теперь зависит многое. «Рыба должна быть на каждом столе»,— так, кажется, мы читали с тобой в школьном учебнике...— Помолчав, он добавил: — Завтра выходим ловить на Колпак.

— Ты спятил, дьявол? — выпучил на него глаза Майк.

— Зато наберем большую корзину лещей за одно утро. Свежая рыба, и хватит на всех.

— Опомнись, жизнь тебе не дорога, что ли? — кипятился Майк, схватив друга за плечи.

Но если Эдди вобьет себе что-нибудь в голову, спорить безнадежно. Майк Геррэн знал это, но они еще долго перегуривались, пока не явился Билл Харкнесс.

Все столпились вокруг вожака. Харкнесс был свой парень, он стоял посреди комнаты без галстука и пиджака, он был такой же, как они все. Спокойным голосом, умело сдерживая возбуждение, он рассказывал о том, как отовсюду поступает помощь деньгами и продовольствием. Его сообщения обсуждали серьезно и деловито, но то и дело взрыв смеха встречал соленую австралийскую шутку. Стачка уже очистила карманы всех присутствующих, в том числе и самого Харкнесса: по установившемуся обычаю работники федерации во время стачки заработной платы не получают.

Билл Харкнесс рассказал, как этим утром две тысячи докеров и грузчиков заняли в Сиднее здание газеты «Дейли телеграф» и потребовали, чтобы эта «желтая тряпка» перестала мутить воду и клеветать на забастовщиков.

— Само собой разумеется, там все кишело шпиками,— говорил Билл,— но они расхаживали по комнатам редакции, мялись, не зная, кого хватать первым. Наконец они вцепились в какого-то верзилу, но тот стал драться и все кричал: «Как вы смеете выгонять меня отсюда?!» Кое-как они его вытащили. Он почистил пиджак и вернулся обратно. «Вы не можете меня выгонять отсюда!» — твердил он. «Почему же не можем?» — спросил его старший шпик. «Да потому, что я в этом здании работаю двадцать лет!»

Стены комнаты дрогнули от хохота...

Возле дома Скиннидеров Майк попытался снова отговорить приятеля от поездки на Колпак. Но Эдди все пропускал мимо ушей. Когда они прощались, Эдди почувствовал, что надо что-то сказать товарищу.

— Гей, Майк! — воскликнул он.— Отбери-ка для меня пару кроликов пожирнее из твоей завтрашней добычи.

— Ладно! А ты мне — самых жирных лещей!

— По рукам! Значит, увидимся в стачечном комитете. До завтра!

Но тут Майк удержал Эдди:

— Слушай, брат, забудь ты этот вшивый Колпак. Ты...

Но Эдди был тверд, как алмаз:

— Там больше рыбы, чем где бы то ни было. Ребята в Сиднее, что лезли в подъезд «Дейли телеграф», тоже рисковали боками, даже головой. Почему бы и мне не рискнуть?

Майк пожал плечами. Что поделаешь с этим дикарем? Но дома он рассказал обо всем Норме.

— Надо бы тебе сбегать к Мэри, как ты думаешь?

Не заходя домой, Эдди спустился к причалу, где была привязана лодка: он хотел проверить все заранее. Беспокойство Майка задело его больше, чем можно было подумать. Да, дело рискованное для женатого человека, отца троих детей, это даже, пожалуй, недопустимый риск. Он вздохнул, но тут же подумал о семьях забастовщиков.

Найти еще трех человек было нелегко. Стэн Битон согласился довольно охотно, но длинный Томми рассмеялся ему в лицо.

— Я буду ловить там, где ловят другие. Я не герой.

А Дэс сказал:

— На Колпаке? Не иначе, как у тебя голова не в порядке, Эдди!

— Но там мы возьмем целую корзину лещей. Двести семей получат обед.

— Нет, Эдди. Я готов, но только не Колпак...

— Ладно, сделаем по-другому. Ты и Томми — хорошие гребцы. Я знаю, на Колпак трудно высадить человека. Давайте, высадите меня и Стэна, а сами будете ловить у Кроличьего.

— Ну что ж, это нам с руки, Эдди.

— Тогда всем быть у лодки в четыре утра.

Норма побывала уже у Мэри, когда Эдди вернулся домой. Но он был так поглощен завтрашней ловлей, что не заметил, как бледна и испуганна была Мэри за ужином.

Покончив с чаем, он уселся в кресло и стал просматривать сообщения о стачке в газете портовиков. Потом он протянул газету Мэри, молча сидевшей у стола и что-то вязавшей для будущего ребенка.

— Тут много о стачке,— сказал он, тыча пальцем в газетные заголовки.— Разве тебе не интересно?

Мэри рассеянно пробежала несколько заметок. Она не все понимала, слишком много было там незнакомых слов: судовые монополии, империализм, реакция... Главное она уловила чутьем. Но она ни о чем, даже о забастовке, не могла думать теперь. То, что ей сказала Норма, заслонило даже неотступно мучившую ее мысль о ребенке, которого Эдди собирается...

— Завтра утром мы выходим опять за рыбой,— сказал он.— Очень уж плохо с питанием...

— Эдди, ты не пойдешь на Колпак, ты не пойдешь! — вырвалось у нее вдруг.

Эдди не собирался посвящать ее в это.

— Колпак? — сказал он с деланным удивлением.— Откуда ты взяла?

— Ты знаешь, о чем я говорю. Ты не пойдешь туда, Эдди!

— Но, Шорти... У людей не на что купить даже хлеба. Посмотрела бы ты на тех, что приходят в стачечный комитет. Ты ведь знаешь наших, они не стали бы просить, если бы не крайность...

— Я их знаю, Эдди,— отвечала она потерянно, голос ее прерывался.— Я знаю их. Но как же со мной? С детьми? Что будет с ребенком, которого... ты хочешь отдать? О Эдди!

Она заикалась, путалась в словах. Он обошел стол и нагнулся над ней. Левой рукой он обнял ее плечи, правую положил на грудь.

— Не надо, Шорти, мне ведь и самому нелегко. Но я сам вызвался и теперь не могу взять слово обратно.

Она разрыдалась и прижалась к нему. Она знала его упрямый характер, знала, что спорить все равно впустую.

— Эдди! — заговорила она, как во сне.— Эдди, если ты не пойдешь на Колпак, тогда... тогда пусть Майк и Норма берут ребенка... Пусть берут! Но только обещай... ты не пойдешь завтра на Колпак, обещай мне, Эдди!

— Не уговаривай меня, Шорти, не уговаривай, богом прошу тебя...

Он поцеловал ее мокрое от слез лицо. На губах у него остался соленый вкус...

...Когда на рассвете затрещал будильник, Мэри вскочила в страхе. Она только что уснула, ребенок не давал спать, он шевелился в ней. Проснувшись, она сначала не могла собраться с мыслями, потом поняла: надо удержать Эдди, удержать, чего бы это ни стоило!

Она слышала, как он поднялся в темноте, оделся, стал готовить завтрак.

— Дэдди [1],— позвал его маленький Пат.

— Да, сынок.

— Пат хочет самую маленькую рыбку...

— Да, «Тигр Келли», тебе будет самая маленькая, кому же, как не тебе! Но теперь надо спать. Ведь еще ночь, сынок.

— А другую маленькую мне,— услышала Мэри голос Тима.

— Ладно, Тим. Тебе другую.

— Тогда мне тоже, третью,— сказал отцу Эдди, старший.

— Хорошо, мальчик, но я ведь ловлю для стачки. Всем нужна рыба, понятно?

— Да, дэдди, мы знаем,— прозвучал серьезный голосок Тима.— Нам только самых маленьких...

Перед тем как уходить, Эдди присел к Мэри на край кровати. Она, не мигая, глядела на огонь лампы и поглаживала пальцами переносицу... Вот он сидит, на нем высокие резиновые сапоги, просторная кожаная куртка с большим воротником, старая зеленая рыбачья шляпа. Это он, Эдди, высокий и сильный, она знала, что без него у нее нет жизни...

— Ты взял с собой еду?

— Да, спасибо, Шорти.

Вдруг она стремительно приподнялась на кровати и схватила его за руку.

[1] Папа (примеч. перев.).

словно прыгнула на скалу и покрыла Эдди с головой. Он исчез в воде, прежде чем Стэн успел мигнуть глазом, пропал без звука, без слова. Стэн выронил удочку, ее унесло, как перышко, в море. Он кинулся вниз, истошно крича. Напрасно вглядывался он в бешено клубящуюся воду, Эдди не было видно нигде. Он вскарабкался снова наверх, раздирая руки о камни, но и лодка с Томми и Дэсом отошла, должно быть, очень далеко, они не могли слышать его отчаянных криков.

Через час лодка подошла ближе. Длинный Томми увидел издали на скале человека, он был один и размахивал руками, как безумный. Они с трудом подгребли к скале.

— Эдди пропал! — кричал Стэн. — Эдди унесло, говорю я вам! Смыло волной!

Они сняли Стэна со скалы, забрали корзину с рыбой. Им все это казалось дурным сном.

Три часа подряд они искали Эдди, все еще надеясь, как умирающие от голода люди надеются вдруг найти кусочек хлеба. Потом они погнали лодку в порт и рассказали о случившемся Биллу Харкнессу. Немедленно были посланы на моторных лодках опытные водолазы, они долго, до изнеможения, искали тело — все было напрасно.

— Не лови на Колпаке! Эдди, ради меня, скажи, что ты не будешь ловить на Колпаке!

— Не тревожься, Шорти, — сказал он, овладевая собой. — Все будет хорошо. Приготовь горячего чаю к вечеру.

Товарищи все собрались точно в четыре, лодка уже была спущена в темноте на воду. На Стэне были такие же резиновые сапоги, они доходили ему до бедер. Эдди и длинный Томми Смит взяли по веслу.

— Я захватил корзину, — сказал Эдди.

Они провели лодку через пролив за Каменным островом и, обогнув Кроличий, стали грести в сторону Колпака.

— Там чертово подводное течение, — проворчал длинный Томми. — Не выбраться человеку на Колпак, я уж знаю...

Эдди Скиннидер молчал и только упрямо сопел, налегая на весло.

— Стачка идет! — крикнул он наконец и добавил спокойнее: — Я подгребу поближе и высажу Стэна, а потом вы высадите меня.

Он взял у Томми второе весло и уверенно направил лодку наперерез прибою, который колотился о скалу, охватывая ее, словно клещами. Лодка на мгновение подошла почти вплотную, и Стэн ловко перемахнул на камень.

Потом весла взял Дэс. Сначала волна отнесла их вбок, но Дэс выправил лодку и сильно заработал веслами к скале. Эдди успел прыгнуть и очутился рядом со Стэном, не уронив снасть и висевшую за плечами корзину. Дэс с трудом отвалил от скалы, и скоро они с Томми пропали из глаз.

— Следите за волной, за зыбью! — донесся издали голос Дэса.

Пока Эдди Скиннидер и Стэн Битон располагались на скале и начали удить, море становилось все беспокойнее. Оно внезапно обрушивалось на камни яростной волной, обдавало обоих рыбаков дымящимися клубами брызг. Стэн вскарабкался выше по крутому, скользкому откосу и обругал прибой скверными словами.

— Лезь сюда! — крикнул он Эдди. — Берегись, смоет!

Но Эдди не терпелось добыть первого большого леща, в нем уже разгорался азарт рыболова. К восходу солнца корзина на четверть была заполнена рыбой, все больше крупной.

— Всем будет рыба сегодня, — говорил Эдди, и лицо его сияло довольством.

И тут все и произошло.

Стэн Битон рассказывал потом, что волна

Когда люди пришли к Мэри и сообщили ей о несчастье, она долго молчала, уставившись на них бессмысленным взглядом, потом рванулась с раздирающим криком к Томми:

— Скорей туда! Эдди — хороший пловец! Беги туда, скорей, скорей!

Длинный Томми крепко обхватил ее плечи.

— Прошло пять часов, Мэри. Разве может человек остаться в живых в таком пекле?

* * *

В четыре часа пополудни в стачечный комитет пришел Майк.

— Где Эдди Скиннидер? — спросил он. — Я принес ему пару кроликов, а старый ублюдок обещал мне немного рыбы.

Все молча смотрели на Майка. Потом рассказали ему о случившемся. Горе согнуло его, он словно сразу постарел. Молча положил он на стол кроличьи тушки и вышел, не сказав ни слова.

Через три недели рыбаки нашли прибитое волнами к берегу изуродованное тело. Эдди похоронили со всеми почестями. Оркестр трубачей играл старые шотландские песни. Сотни портовиков шли с обнаженными головами за гробом, шли в строю ветераны войны: Эдди был членом их Лиги. Народ толпился на тротуарах, многие знали этого спокойного и услужливого человека, ничего не принесшего с собой из-за далеких морей, кроме доброты и честности.

У Мэри побывал священник. Она знала, что родители Эдди были католиками, и согласилась, чтобы погребение было совершено по католическому обряду. Но за гробом шли все вместе — католики, протестанты, неверующие. Они любили Эдди Скиннидера и оплакивали его гибель.

Только у открытой могилы Мэри наконец разразилась рыданиями. Майк и Норма подумали, что это к лучшему: разве может вынести человек без слез такое горе?

Уже на другой день после гибели Эдди союз открыл сбор в пользу вдовы и детей. Подписные листы пересылались из города в город по всей Австралии.

Через две недели после похорон Мэри увезли в больницу. Она родила четвертого мальчика. Майк и Норма принесли ей цветы.

Мэри была слаба и бледна. Это была прозрачная, одухотворенная бледность материнства. Когда они собирались уже уходить, Мэри схватила Норму за руку и проговорила тихо, почти шепотом:

— Я хочу, чтобы вы взяли ребенка себе. Пусть он будет вашим... Эдди сказал: «Если это будет мальчик, отдадим его Майку и Норме». Я еще не видала его. Возьмите его, для Эдди. Возьмите.

Норма изо всех сил старалась удержать слезы, но не могла. Судорожно кусая кончик носового платка, она молчала, слова застряли у нее в горле. Майк стиснул челюсти, его лицо казалось каменным в слабом свете больничной палаты.

— Но, Мэри, — пробормотал он наконец, — это ведь была только шутка. Мы ведь не думали, что...

— Майк, — перебила Мэри, — я хочу, чтобы вы взяли его. Больше всего на свете я хочу, чтобы вы взяли моего ребенка!

Когда они ушли, Мэри Скиннидер уткнулась головой в подушку, и тело ее затряслось от судорожных рыданий.

— Эдди! — говорила она. — Эдди! Майк — твой друг, я отдаю ему своего мальчика...

Когда было покончено с усыновлением, Майк сказал Норме:

— Назовем его Эдди. Когда он вырастет, мы расскажем ему об отце. Расскажем, как жил его отец и как умер.

Стачку портовики выиграли. На собрании Билл Харкнесс сказал с необычной для него яростью:

— Портовики никогда не забудут, что заговор судовладельцев убил Эдди Скиннидера!..

В порту Кембла, во всех портах Австралии люди до сих пор помнят об этом.

Перевел с английского
Л. ЧЕРНЯВСКИЙ.

В МИРЕ НАУКИ И ТЕХНИКИ

Закалка семян по-сибирски

Агроном Анна Ефимовна Воронова.
Фото С. Фридлянда.

Веселая березовая роща окаймляет опытные поля Далматовского сортоучастка. На полях — низкорослые кусты помидоров, плети арбузов и дынь, высокие крепкие стебли кукурузы...

В Кремле на Всесоюзном совещании работников сельскохозяйственной науки выступала заведующая Далматовским сортоучастком Курганской области Анна Ефимовна Воронова. Она говорила о закалке семян и рассады теплолюбивых культур, о том, что необходимо переделывать их природу для того, чтобы они росли и вызревали полностью на корню. В этих целях высадку в грунт надо проводить на 15—30 дней раньше обычно принятых сроков.

В Сибири лето короткое, неверное. Днем солнце печет, как в Крыму, а ночью иногда бывают сильные заморозки. Так может быть в мае и даже в июне. В августе начинаются холода. А Анне Ефимовне хотелось вырастить здесь арбузы и дыни, собирать урожай спелых помидоров. Чтобы вызреть, помидорам нужно 120—130 теплых дней, а в этих краях тепло длится иногда не больше 65—70 дней. Теплолюбивые культуры погибают осенью от заморозков. Значит, нужны иные, морозостойкие сорта. Чтобы получить их, надо «расшатать» наследственность.

Чем моложе организм, тем он податливее к влиянию внешних условий. Самая начальная стадия развития растения — это когда семя набухло и растение едва-едва тронулось в рост. Вот с этой самой поры и решила Анна Ефимовна воспитывать растения по-новому.

За 3—4 недели до сева набухшие в воде семена подвергают влиянию переменных температур. Вынув из воды, их переносят в теплое помещение с комнатной температурой. Здесь семена трогаются в рост. Через двенадцать часов — на холод. Температура от 1 до 5 градусов мороза. Влажные зерна превращаются в ледяные комочки. Но они не умирают. С мороза — снова в тепло. И так в течение 10—20, даже 30 дней. В тепле семена развиваются, пускают крепкие фиолетовые ростки, а на холоде закаляются. Растения, которые вырастут из этих семян, приобретут новые свойства. Помимо семян, с момента всходов сурово закаляется и рассада томатов, арбузов, дынь. Теперь их смело можно сажать в грунт на 15—30 дней раньше обычного срока. При температуре в 3 и даже 5 градусов ниже нуля они не замерзнут.

Не сразу, не вдруг Анна Ефимовна пришла к этому способу закалки семян, теперь названному ее именем. Помогло упорство, помогли и люди, которые смотрят далеко вперед.

— Правильно работаете! Правильным, самым что ни на есть мичуринским методом! — одобрил Воронову Т. С. Мальцев на самых первых порах ее опытов.

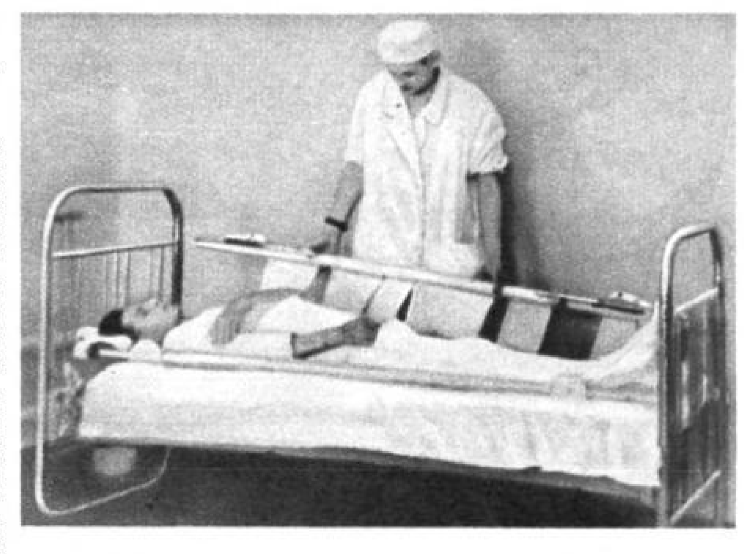
На XX съезде партии Т. С. Мальцев снова поддержал Воронову.

— В нашей Курганской области работает агроном-новатор Анна Ефимовна Воронова,— сказал он.— ...Результаты ее работы превосходят всякие ожидания... Для Сибири это имеет большое значение.

— Далматово — это очень маленький участок бескрайней Сибири. А ведь в силах человеческих,— говорит Анна Ефимовна,— сделать так, чтобы всюду — на Урале и за Уральским хребтом — росли арбузы, дыни, помидоры, вызревала кукуруза, плодоносили сады, как на Украине и в Ставрополье. Для этого нужно и много и мало — труд и терпение. А главное — заинтересованность людей, ответственных за нашу науку и за нашу работу.

Т. ТРОИЦКАЯ

Носилки в десять рук

— Доктор, отправьте меня на рентген на носилках Валентина Семеновича,— просят больные.

И это не пустой каприз. В институтской клинике при горьковской областной больнице имени Семашко существуют носилки, на которых охотнее всего «путешествуют» больные из палаты в операционную, на рентген, на перевязки и процедуры. Эти носилки сконструировал ассистент кафедры хирургии Валентин Семенович Алейников.

Кажется, несложная вещь — положить больного на носилки или снять с них. Но когда человека после операции или тяжелого ранения перекладывают, например, с операционного стола, то даже самый чуткий и внимательный санитар не может не причинить ему страдания.

...В помещение, где только что сделали сложную операцию, приходят санитары. В руках у них носилки, но не те, что мы привыкли видеть в больницах,— полотняные «корыта» на коротких ножках. Эти носилки разборные и состоят из двух половинок. Две полые металлические трубки, от которых отходят легкие, сделанные из дюраля опоры. Опор-рук — десять, по пять с каждой стороны. Они соответствуют изгибам человеческого тела. Для головы — пристегивающееся матерчатое полотнище. Трубки скрепляются поперечниками, которые одновременно служат и поручнями.

Носилки, вернее, две их половинки, можно легко подсунуть под лежащего человека, особенно не беспокоя его: толщина опор всего 1—1½ миллиметра.

Больного кладут на постель вместе с носилками и затем вытаскивают из-под него обе их половины. Все это делается быстро, неудобств — минимум.

Со студенческих времен, а потом во время войны работая в госпиталях, Алейников утвердился в мысли: носилки необходимо переделать. Вариантов было много. Но большинство из них удовлетворяло его не до конца. Недавно Валентину Семеновичу удалось придумать нужную конструкцию. С помощью своего товарища по работе А. И. Кожевникова Алейников осуществил свой замысел на одном из горьковских заводов.

Носилки конструкции Алейникова пока еще имеет только институтская клиника при горьковской больнице имени Семашко. Но они могут найти самое широкое распространение во всех наших больницах и клиниках.

Т. КОНЮШКОВА

На снимке: хирург Ю. Ф. Баранов убирает носилки новой конструкции из-под больного.

ВИНОГРАДОВИТ

Экспедиционный отряд Евгения Семенова работал в самом центре горной тундры Кольского полуострова, в районе Ловозера. Двадцатисемилетний ученый и его товарищи искали месторождения пегматита. Эта крупнозернистая изверженная горная порода, состоящая из сросшихся кристаллов полевого шпата и других минералов, имеет большое научное и промышленное значение. Почти полвека назад ее исследованиями занялся «певец камня» Александр Евгеньевич Ферсман. Он доказал, что с пегматитами могут быть связаны месторождения редких металлов.

Семенову удалось найти крупные пегматитовые жилы. В них он обнаружил неизвестный белый игольчатый минерал. Первые исследования, проведенные в полевых условиях, показали, что находку не с чем сопоставить: подобный минерал в справочниках не значился. Однако спешить с выводами не следовало: что еще покажет детальное исследование в Москве, в Лаборатории минералогии и геохимии редких элементов Академии наук СССР? Это научное учреждение, созданное лишь три года назад, и направило экспедиционный отряд кандидата геолого-минералогических наук Е. И. Семенова.

Кандидат геолого-минералогических наук Е. Семенов рассматривает куски породы с вкрапленным в нее виноградовитом.
Фото Е. Умнова.

И вот изучение нового минерала, продолжавшееся около трех лет, сейчас закончено. Семенов показывает куски камня, в которые словно вкраплены мельчайшие копьевидные кристаллы. Их видно невооруженным глазом. Вглядываешься, и кажется, будто причудливые прозрачные льдинки приросли к камню. Новый минерал, доставленный с Кольского полуострова — богатейшего края апатитов, полиметаллов и редких элементов,— тщательно изучался учеными разных специальностей. Сперва из привезенных кусков Семенов извлек белые иголочки нового минерала и исследовал их под микроскопом. Оказалось, что оптические свойства этого минерала необычны: они существенно отличаются от свойств всех известных минералов. Затем провели спектральный и рентгеноспектральный анализ. Выяснилось, что минерал в основном состоит из титана, кремния и натрия.

Но для дальнейших исследований этого кристаллического вещества не хватило. И «охотники за кристаллами» снова отправились в глухомань горной тундры и собрали уже около десяти килограммов образцов, содержащих новый минерал. Из них надо было отобрать по крайней мере грамм совершенно чистого кристаллического вещества — прозрачных льдинок. Теперь отобранное с таким трудом чистое вещество подвергли химическому и кристаллографическому исследованиям. Оказалось, что минерал является водным силикатом титана и натрия и содержит около тридцати пяти процентов двуокиси титана, а также ниобий и бериллий.

Минерал, открытый молодым ученым Евгением Семеновым и его товарищами,— новый штрих в геохимической истории титана, ниобия и бериллия, которые в последнее время выходят на широкую арену промышленного освоения. Без них немыслимо развитие реактивного самолетостроения и телевидения, автоматики и телемеханики, звукового кино и радиотехники.

Во всем мире ежегодно открывают всего десять — двадцать минералов. И каждое такое открытие представляет собой значительное событие в науке. Первооткрыватели назвали новый минерал «виноградовитом», в честь выдающегося геохимика, Героя Социалистического Труда академика А. П. Виноградова, чье 60-летие недавно отметила научная общественность нашей страны.

Семенов установил, что белый игольчатый минерал виноградовит имеет значительно более широкое распространение, чем это предполагалось раньше: он содержится в двенадцати других месторождениях не только Ловозерского массива, но и соседнего — Хибинского.

А. СИНЕЛЬНИКОВ

Грузовой мотороллер

Серпуховский мотоциклетный завод изготовил первую партию мотороллеров с кузовом грузоподъемностью в полтонны. Мотороллер весит 170 килограммов и развивает скорость до 40 километров. Мощность мотора — 4 лошадиные силы. Бензобак рассчитан на 8 литров горючего. Этого количества достаточно на 150 километров.

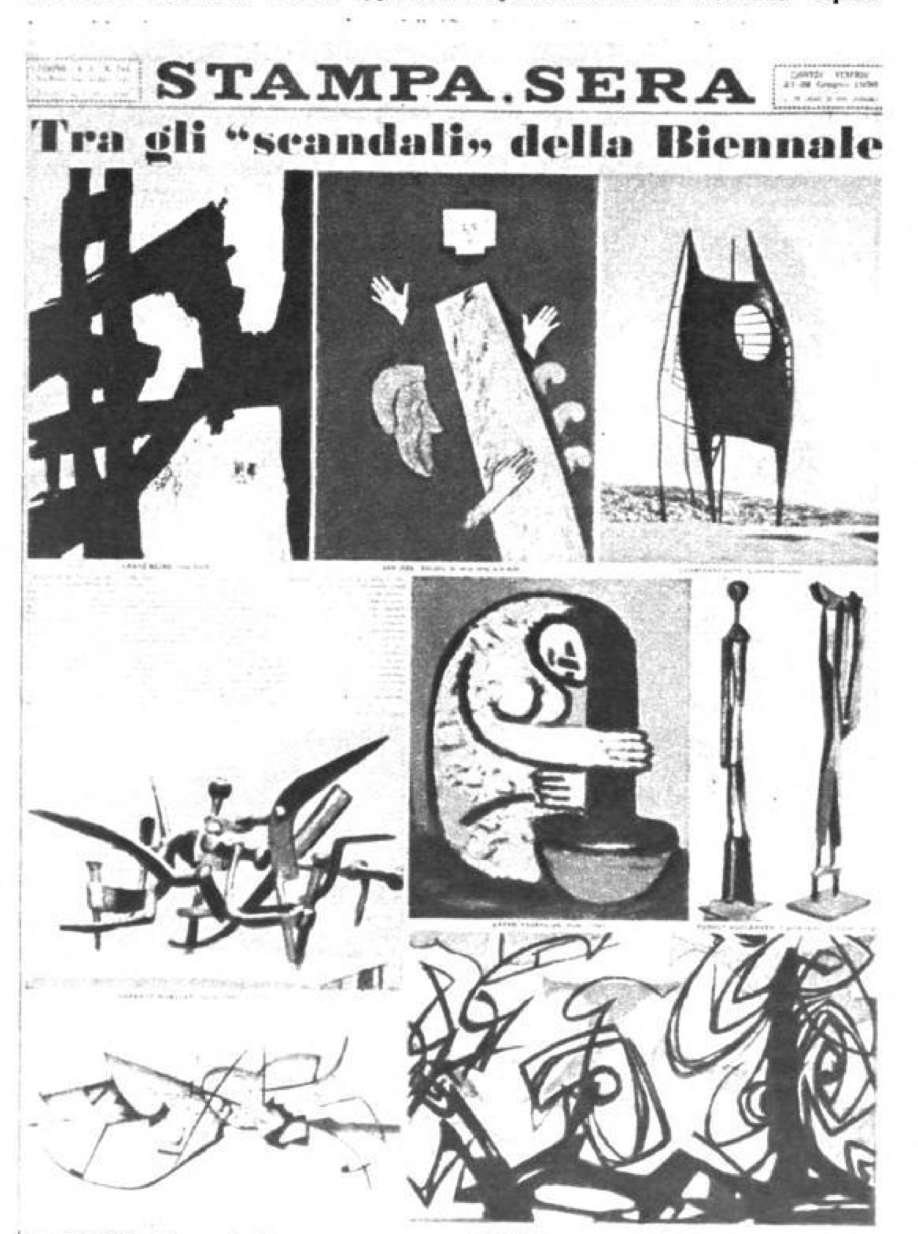
Фото Б. Трепетова (ТАСС).

Выставка в Венеции

С удивлением и недоумением уборщица смотрит на скульптурную группу в павильоне французского искусства

«Среди «скандалов» выставки» — под таким выразительным заголовком печатает снимки с некоторых произведений, экспонированных на венецианской выставке, газета туринских промышленников «Стампа Сера».

Н. АБАЛКИН

По дороге из Рима в Венецию совсем не думалось о цели нашей поездки — посещении 28-й Международной художественной выставки. Все внимание было поглощено чудесными картинами, созданными самым замечательным художником на земле — волшебницей-природой. Она на славу потрудилась здесь, под голубым небом Италии. Временами казалось, что наш поезд неутомимо пересекает родную русскую равнину, — так все было знакомо и дорого в поэтической панораме, спокойно проплывающей перед окнами вагона.

Но вот промелькнет серый домик с красной черепичной кровлей, с опущенными зелеными жалюзи, с кустами роз у входа; затем появятся пологие склоны зеленых холмов, пересеченные ровными рядами виноградников, небольшие поля, расцвеченные красными маками, далекий силуэт старинного городка — и вот уже перед тобой не тургеневская милая сердцу Орловщина, а зеленая Умбрия. А за ней благодатная, цветущая земля красивейшей Тосканы и давно уже увиденные в мечтах городá с романтическими для чужестранца названиями — Флоренция, Болонья, Падуя...

Когда поезд по узкой дамбе, пересекающей венецианскую лагуну, доставил нас в удивительнейший город мира, мы были уже эстетически настроены на восприятие прекрасного, которое ожидали увидеть в павильонах Международной художественной выставки. Но прекрасное неожиданно обернулось безобразным. Казалось, жизнь остановилась у входа во многие выставочные павильоны. Туда не проникали ее дыхание, ее краски, ее свет. Какое бы название страны ни значилось на фасаде павильона — Дания или Швейцария, Бельгия или Голландия, — тщетно было бы там искать признаки национального характера, выражение народных устремлений, живые картины быта, своеобразие пейзажа. Облик страны, ее люди, ее жизнь оставались за пределами художественного творчества. Оно порывало с жизнью и не в человеке, не в том, чем живет сегодня мир, искало источник своего вдохновения.

Бессмысленное искажение действительности — вот к чему сводится ныне пафос исканий многих художников, представленных на венецианской выставке. Они именуют себя «абстрактивистами», открывателями новых путей для искусства. В действительности же под модной вывеской «абстрактивизма» скрывается довольно обветшалый формализм, который в течение последних десятилетий безуспешно пытается завоевать широкое общественное признание. У него есть еще верные трубадуры, но их призывы не доходят до сердца народа, в котором живет неистребимая любовь к жизни и которому больше всего дорого в искусстве то, что напоминает об окружающей действительности, раскрывает смысл жизненных явлений, мир человеческой души.

«Абстрактивисты» лишены чувства самокритики. Стоило только им оглянуться назад, как сразу же стало бы ясно, что все их новаторство представляет собой в сущности лишь повторение пройденного. Формализм давным-давно уже исчерпал свои возможности. То, что выдается сегодня за новое слово в искусстве, было сказано несколько десятилетий назад. В двадцатых годах точно так же оригинальничали на наших выставках В. Татлин и К. Малевич. Можно ли было думать тогда, что во второй половине нынешнего века появятся их старательные подражатели!

Дыхание жизни не коснулось этих вымученных полотен.

Безнадежность! Этим словом чаще всего характеризуются искания «абстрактивизма». Мы его слышали в беседах с прогрессивным итальянским художником и чехословацким дипломатом, с журналистами и критиками.

Буржуазная печать не встает на защиту реализма, но она не прочь поиронизировать порой над модными увлечениями «абстрактивистов». В одной итальянской газете нам встретился интересный снимок. Фоторепортер заглянул во французский павильон выставки в неурочное время, застав там лишь одну уборщицу. Он заснял ее в тот момент, когда, оторвавшись от работы, она остановилась у странной скульптурной группы Пожилая женщина, не выпуская из рук метелки, с удивлением и недоумением смотрит на нелепых уродцев, имеющих весьма отдаленное сходство с человеком Нет, у нее, вероятно, иные представления о прекрасном. И вряд ли сам скульптор убедит ее в том, что это и есть новое в искусстве. Подобному творчеству не найдешь эстетического оправдания. Слишком велика здесь пропасть между красотой и шарлатанством, и простому человеку из народа нетрудно разобраться в разнице этих понятий...

Получилось так, что первый итальянский художник, с которым меня познакомили в Риме, оказался «абстрактивистом». Когда не знаешь чужого языка, то приходится, не дожидаясь переводчика, объясняться жестами. Я сразу же стал в шутку засучивать рукава, словно готовясь к драке. Ведь для советского журналиста «абстрактивист» является идейным противником! Но расстались мы друзьями, и, хочется думать, настоящими друзьями.

Искусство «абстрактивизма» не согрето любовью к жизни, оно уродует и деформирует облик человека, стремится вытравить в нем все следы духовного содержания, осмысленного мировосприятия. Но вот начинается наша беседа, и мой новый друг сразу же говорит:

— Главное для художника — иметь сердце...

Так с первой этой фразы у нас устанавливается дружеское взаи-

мопонимание: я вижу перед собой убежденного и искреннего гуманиста.

Да, модное течение «абстрактивизма» захватило и многих честных, хороших, правдивых художников, стремящихся вести искусство вперед. Но трагизм их положения заключается в том, что они блуждают без компаса и никак не найдут своей дороги — дороги свободного реалистического творчества. Но эта дорога существует, и они в конце концов все же выберутся на нее и сумеют по-своему, в своей неповторимой, индивидуальной манере рассказать о жизни, о том, чем живет сегодня мир.

Как ни велико на выставке засилье «абстрактивизма», ему все же не под силу заглушить реалистическое направление в современном изобразительном искусстве. Оно широко представлено прежде всего в советском павильоне, который никак не может пожаловаться на недостаток внимания. Живейший интерес к его экспонатам был проявлен с первого же дня открытия выставки. Надо было видеть, какой поток посетителей хлынул в павильон сразу же после того, как покинул его первый почетный гость — Президент Итальянской Республики Джованни Гронки!

Руководителям павильона Герману Недошивину и Андрею Губеру пришлось весьма ощутимо испытать на себе всю тяжесть этого повышенного интереса к искусству Советской страны. Сколько бесед они провели, сколько дали интервью, на какие только вопросы не отвечали, с кем только не спорили!.. Пришлось им испытать еще одно приятное затруднение. Захваченный в Венецию ящик с сувенирами, наполненный дымковской игрушкой, опустошался с такой быстротой, что приходилось только разводить руками. Про запас ничего не оставалось, а сколько еще предстояло впереди интересных встреч, на добрую память о которых захочется вручить скромный дымковский сувенир.

Наши талантливые мастера — Б. Иогансон и Т. Яблонская, И. Грабарь и М. Сарьян, С. Чуйков и А. Дейнека, А. Пластов и П. Кончаловский, С. Герасимов и М. Нестеров, К. Юон и Э. Калныньш, Я. Осис и Ю. Пименов — дают достаточно полное представление о путях развития советской живописи. Такие замечательные произведения, как «Партизанка» В. Мухиной, «Достоевский» С. Коненкова, работы И. Шадра, Н. Томского и других, знакомят с творчеством советских скульпторов. Участвуют в выставке и лучшие наши графики — Кукрыниксы и Д. Шмаринов, В. Фаворский и Н. Жуков, Е. Кибрик и Б. Пророков, Л. Сойфертис и О. Верейский. Более двухсот работ семидесяти трех мастеров разместилось в трех небольших залах советского павильона.

В оценках нашего изобразительного искусства сталкиваются самые различные, противоречивые точки зрения. И в этом нет ничего удивительного. Венецианская выставка разожгла острую дискуссию, и в этой дискуссии раздаются голоса и защищающие твердые реалистические позиции советских художников и резко осуждающие их за приверженность к реализму. Отвергать эту критику было бы неверно. В ней высказаны не только заведомо ошибочные, тенденциозные обвинения, но и достаточно объективные, справедливые замечания. К ним надо всерьез прислушаться. Наши художники, побывавшие в Венеции, расскажут, наверное, своим товарищам, что было поучительного в этой критике, что можно извлечь из нее полезного для дальнейшего совершенствования художественного мастерства.

Не только советские художники держат в своих руках знамя реализма. Под этим знаменем идут передовые художники многих стран. Стоит только, выйдя из советского павильона, пересечь широкую песчаную дорожку буйно разросшегося парка и совсем немного пройти под тенистыми сводами аллей, через узкий канал, как попадешь в небольшой павильон Румынии.

Позиции реализма здесь прочны и надежны. И поэтому после встречи с румынскими художниками остается такое отрадное чувство. Оно не покидает и в те минуты, когда разглядываешь интересные книжные иллюстрации талантливых чехословацких графиков.

Флаги тридцати четырех стран были подняты в день открытия выставки в венецианском парке. Это были флаги стран Европы и Азии, Африки и Америки. Со всех концов мира посылались произведения на международный смотр современного изобразительного искусства. И можно ли было предполагать, что среди них не окажется совсем произведений, являющихся живым отражением современной действительности? В мире есть художники, не увлекающиеся модернистскими исканиями «абстрактивистов». Может быть, их не так много, как хотелось бы, но их встретишь и в большом центральном палаццо выставки, занимаемом итальянскими художниками, и в павильонах Англии и Соединенных Штатов, Египта и Венесуэлы, Бразилии и Испании, Греции. Они-то и вселяют надежды на лучшее будущее.

Через два года по установившейся традиции, рожденной более шестидесяти лет назад, снова, в двадцать девятый раз, откроется в садах Венеции Международная художественная выставка. И снова разгорится в ее павильонах бурная дискуссия о путях развития мирового искусства. Все говорит за то, что в этой новой дискуссии куда сильнее, громче и увереннее будут звучать голоса тех, кто творчество свое обращает к жизни.

Великие жизнелюбы, смелые новаторы ведут искусство вперед. Нужно совсем немного времени, чтобы, покинув выставку, пройти вдоль Большого канала и попасть в старинные золоченые залы Палаццо дожей, увидеть там во всей живописной мощи талант Тициана или Тинторетто. Можно ли было, не любя жизнь, создавать такие шедевры, оставить такую память о своем времени!

Корнелий Баба (Румыния). «Отдых в поле». Из серии «1907 год».

Старое и новое соседствует в древней Венеции. Старое живет века и в наши дни находит благодарный отклик в человеческом сердце. Такова животворная сила гуманизма, заключенная в полотнах великих мастеров прошлого. Новое буржуазное искусство не ищет дороги к сердцу, оно утратило вкус к жизни, и поэтому нет у него будущего. Ведь не всякое новое является действительно новым. То, что несет с собой «новое» искусство «абстрактивизма», чуждо интересам прогресса. Этот путь не ведет к художественным вершинам, в мир прекрасного. Какими бы возвышенными словами ни оправдывали критики искания «абстрактивизма», им не скрыть правды. Это искусство не видит жизни.

А что может сказать художник, который не видит жизни во всем богатстве ее форм и красок, ее духовных проявлений? Истинный талант всегда бывает пытливым и зрячим, он жадно всматривается в облик раскрывающегося перед ним мира и стремится к тому, чтобы его искусство вводило человека в этот открытый настежь мир.

Когда покидаешь выставочные павильоны, заполненные произведениями «абстрактивистов», то с особой остротой ощущаешь, как противоестественны и бессмысленны их поиски. Как может художник отвернуться от того, что его окружает?..

...Солнце высоко поднялось над тихой венецианской лагуной. Красавица Венеция смело разбежалась в море и застыла вдруг в изумлении, любуясь чудесным своим отражением, так и забыв вернуться на берег. Рядом с ней на маленьком островке, бережно омываемом зеленоватыми адриатическими водами, трудятся прославленные муранские мастера, способные сделать из послушного им стекла, кажется, все, что только пожелает фантазия художника. Тут же в лагуне, почти под боком у Венеции, рыбачит старая Кьоджа. Ее славные рыбаки и рыбачки дали когда-то Гольдони сюжет для заразительно веселых и горячих «Кьоджинских перепалок», покоривших сердце Гете.

За спиной Венеции, уже на материке, дымит рабочая Местре. И все это надо видеть: и виноградники паданской равнины, и заводы Турина, и жаркие дискуссии в маленьких тратториях, и выцветшую надпись «Мир!» на древних стенах римского Колизея. Все это жизнь, и она просится на полотна художников. Как бы ни сопротивлялись «абстрактивисты», жизнь победит, и современное искусство, пережив губительные модернистские увлечения, восстановит с ней свой вдохновенный союз. Это так же верно, как и то, что завтра снова взойдет солнце над венецианской лагуной и загорелый гондольер будет напевать трогательную песенку о любви и счастье.

Фрагмент памятника, работа итальянского скульптора Марио Маццакурати.

ШЕСТЬ ХОРОШИХ И РАЗНЫХ

Валентин **КАТАЕВ**

Крылатая фраза Маяковского о хороших и разных стала так популярна, что рискует превратиться в общее место. Ею клянутся, кому не лень. В особенности те, которые до сих пор не покладая рук выкорчевывали все хоть сколько-нибудь талантливое, оригинальное и новое во многих областях искусства, главным образом изобразительного.

Сейчас положение значительно изменилось к лучшему. На выставках начинают появляться действительно «хорошие» и действительно «разные». Пока еще более разные, чем «хорошие».

Вот почему выставка шести, которая недавно состоялась в Москве, представляется мне явлением интересным.

Кто же эти шесть?

Во-первых, А. Гончаров.

У него два лица, две ипостаси. Живопись и гравюра на дереве. Есть, правда, еще акварели, автолитографии, театральные эскизы. Но это уже производное. Живопись Гончарова сразу бросается в глаза. Вы еще не успели переступить порог зала, как она овладевает вашим вниманием. Из каждого холста, как из распахнутого окна, бьют свет и тени нарядного южного дня. Поэтому даже в дождливую московскую погоду на выставке шести было солнечно и радостно: ее всегда как бы согревал яркий холст Гончарова.

Портрет, пейзаж, натюрморт. Вот жанры, в которых особенно широко и свободно раскрывается дарование Гончарова-живописца.

Я слышал мнение, что Гончаров находится под сильным влиянием французских импрессионистов, главным образом Матисса. Отчасти это правда. Громадный талант гениального французского художника, несомненно, наложил свой отпечаток на творчество Гончарова. Лаконизм рисунка, геометрическая простота композиции и редкая свежесть красок — все это, конечно, от Матисса, что, кстати сказать, делает честь вкусу Гончарова, потому что скажи мне, кто на тебя влияет, и я скажу, кто ты.

Но представлять дело так, что Гончаров не больше чем эпигон Матисса, было бы совсем неверно. Гончаров идет своим путем.

Если же говорить о влияниях, то здесь скорей влияние В. Серова последнего периода, который в своих портретах пользовался цветом не столько для внешней, сколько для внутренней характеристики человека. Мне кажется, что в этом отношении Гончаров развивает Серова.

Во всяком случае, портрет художника К. С. Елисеева, написанный Гончаровым, в зеленовато-серой гамме, является удивительным образцом чисто цветовой характеристики. Это же относится к портрету Ю. Храпака и в особенности к чудеснейшему, нарядному и острому портрету О. А. Шагановой-Образцовой. В нем соединение желтого и черного, так легко и свободно связанных с резким и очень точным рисунком, достигает большой впечатляющей силы и делает этот портрет едва ли не лучшим из того, что выставил Гончаров.

Так же интересны, свежи пейзажи и натюрморты, написанные хотя и не без влияния того же Матисса и Марке, но утверждающие в уверенности, что Гончаров идет своим путем.

Гравюры на дереве Гончарова на первый взгляд не так броски. Они скромно прячутся в задних комнатах выставки. Но стоит возле них остановиться и присмотреться, как перед вами открывается совершенно новый, особый мир Гончарова — резчика по дереву, ничуть не похожий на мир Гончарова-живописца, но, быть может, еще более своеобразный, в котором талант художника развивается наиболее полно. Здесь при единстве строго графического стиля художник добивается большого разнообразия, обязательного при иллюстрации к таким разным писателям, как, например, Софокл и Гоголь, Шекспир и Пушкин.

Рука Гончарова поистине с артистической легкостью запечатлела и украсила изящными заставками, фронтисписами и концовками произведения тридцати или сорока самых различных авторов, и для каждого нашлось точное по мысли и по стилю, своеобразное графическое решение.

Любители книг хорошо знают и ценят Гончарова-оформителя. Каждый томик, к которому он приложил свою руку, приобретает дополнительную прелесть и ценность. А теперь широкая публика получила возможность впервые познакомиться и с другой интересной стороной его творчества — живописью.

Талантливый мастер В. Горяев, было время, не раз терпел нападки критики, и это лишь потому, что он видел мир гораздо более реалистично, чем его критики.

Горяев — художник широкого диапазона: он карикатурист, иллюстратор, журнальный рисовальщик, автолитографист — все что угодно, но только не станковист, хотя большой раздел своих работ и назвал в каталоге «станковой графикой». Впрочем, от этого его графика не сделалась «станковой» и не потеряла своей оригинальной прелести.

Тушь, перо, акварель — вот сфера, в которой он чувствует себя, как рыба в воде. Маслом он не пишет.

Его работы проигрывают на выставке. Они созданы для типографского станка. Зато в журнале, в книге и альбоме, в отдельных листах они удивительно хороши. Горяев — художник жизнерадостный, наблюдательный, точный, ироничный. И очень современный. Изображая окружающую жизнь, он никогда не отстает от нее. Его графические наблюдения всегда злободневны. Будущий историк найдет в его листах много полезного для понимания нашей эпохи.

Горяев — неутомимый путешественник. Последние годы он много поездил по зарубежным странам, по Советскому Союзу. Из каждого путешествия художник привозит кипы восхитительных рисунков.

Берег Черного моря. Ока. Волга. Каховка. Кавказ. Крым...

Художник щедро отдает зрителю все свои впечатления.

К. Дорохов до сих пор был более известен как мастер небольших пейзажей, но на выставке шести он выступает также как жанрист и портретист. К сожалению, на выставку не попали его крупные жанрово-композиционные вещи тридцатых годов и эпохи Великой Отечественной войны.

Тематика Дорохова современна и разнообразна. О ней говорят простые выписки из каталога — «Вузовка», «Ненецкая девушка с книгой», «Зоя», «Девушка из отряда морской пехоты», «После работы», «Ремонтная бригада», «Выпускницы»... Дорохов по своей природе — станковист, чем резко отличается от Горяева.

Но его современной тематике не вполне соответствует его живописная техника. Она несколько устарела. При своей усложненности, немного напоминающей импрессионистов, она не сливается в единое зрительное впечатление и оставляет досадное ощущение дробности. Впрочем, это до известной степени спасает произведения Дорохова от элементарного натурализма, придает им некоторую хотя бы внешнюю обобщенность. Однако его этюды лишены этого недостатка и производят гораздо более сильное впечатление, чем законченные полотна.

Вероятно, со временем Дорохов придет к обобщенной форме, и тогда его искусство станет гораздо более цельным и впечатляющим.

Серию интереснейших рисунков для тканей в темпере и уже готовых шелковых тканей выставила С. Заславская. Эти, по сути дела, вполне прикладные работы воспринимаются как произведения высокого искусства. Художница неисчерпаема в поисках и открытиях все новых и новых орнаментальных мотивов, причем ей никогда не изменяет какое-то изумительное — если будет позволено так выразиться — снайперское чувство гармонии, цвета, декоративности и, наконец, ощущение особенностей самого материала, текстиля, для украшения которого все это делается.

Большую зрительную радость доставляют все ее «Пионы», «Левкои», «Листики», удивительный поэтический «Ветер», состоящий из тревожно-трепещущих узких ивовых листков, создающих полное ощущение ветра. Невольно проникаешься чувством глубокого уважения и благодарности к художнице, которая с такой любовью отдает свой незаурядный талант созданию красивых тканей на платья советским женщинам.

Затем идет скульптор С. Лебедева. Я говорю «затем», но это лишь в порядке алфавита. На самом деле она здесь первая. Ее скульптура царит надо всем. С. Лебедева, несомненно,— крупнейшее явление в советском искусстве. Да и не только в советском. Здесь собраны ее работы начиная с 1918 года — свыше семидесяти произведений, то есть, по существу, большая самостоятельная выставка. Выставка на выставке.

О Лебедевой нельзя говорить вскользь. Ее надо изучать. О ней надо писать монографии: так разнообразен ее могучий — я не боюсь этого слова — талант, примененный главным образом к жанру портрета. Человеческая голова, лицо — вот сфера творчества Лебедевой.

С. Лебедева в одно и то же время умеет быть и архитектурно масштабной и вместе с тем удивительно нежной, даже интимной. Это сочетание двух столь противоположных качеств создает тот особый, неповторимый стиль скульптурного портрета, который по справедливости можно назвать стилем Сарры Лебедевой. Но главное, что восхищает нас в портретах работы Лебедевой,— это умение открыть в человеке самые лучшие и красивые душевные черты. Для нее каждый человек — с большой буквы.

Как смело и тонко она раскрыла, например, в портрете Твардовского именно поэта! Она как бы высветила изнутри все его лицо возвышенной поэтической мыслью, причем это не отразилось на бытовом сходстве: Твардовский остался Твардовским. Вообще С. Лебедева почти всегда добивается в своих портретах поразительного, почти фотографического сходства, хотя и решает их в очень острой, подчас даже подчеркнуто обобщенной манере.

Конечно, после Лебедевой трудно приходится скульптору И. Слониму. Он также по преимуществу мастер-портретист. И портретист очень неплохой. Слоним, несомненно, вносит ценный вклад в золотой, как говорится, фонд советского искусства. Одной из лучших работ Слонима, несомненно, является выразительный портрет виолончелиста М. Растроповича, с большим блеском выполненный в бронзе, и скульптура — голова Э. Гилельса, хотя и не слишком похожая, но хорошо передающая сосредоточенное, сдержанно страстное выражение лица пианиста.

А в общем, надо сказать, что выставка шести — явление радостное. Она показывает, что советское искусство не топчется на месте, а все время выдвигает много хороших и разных.

В. Н. Горяев. МАГАЗИН.

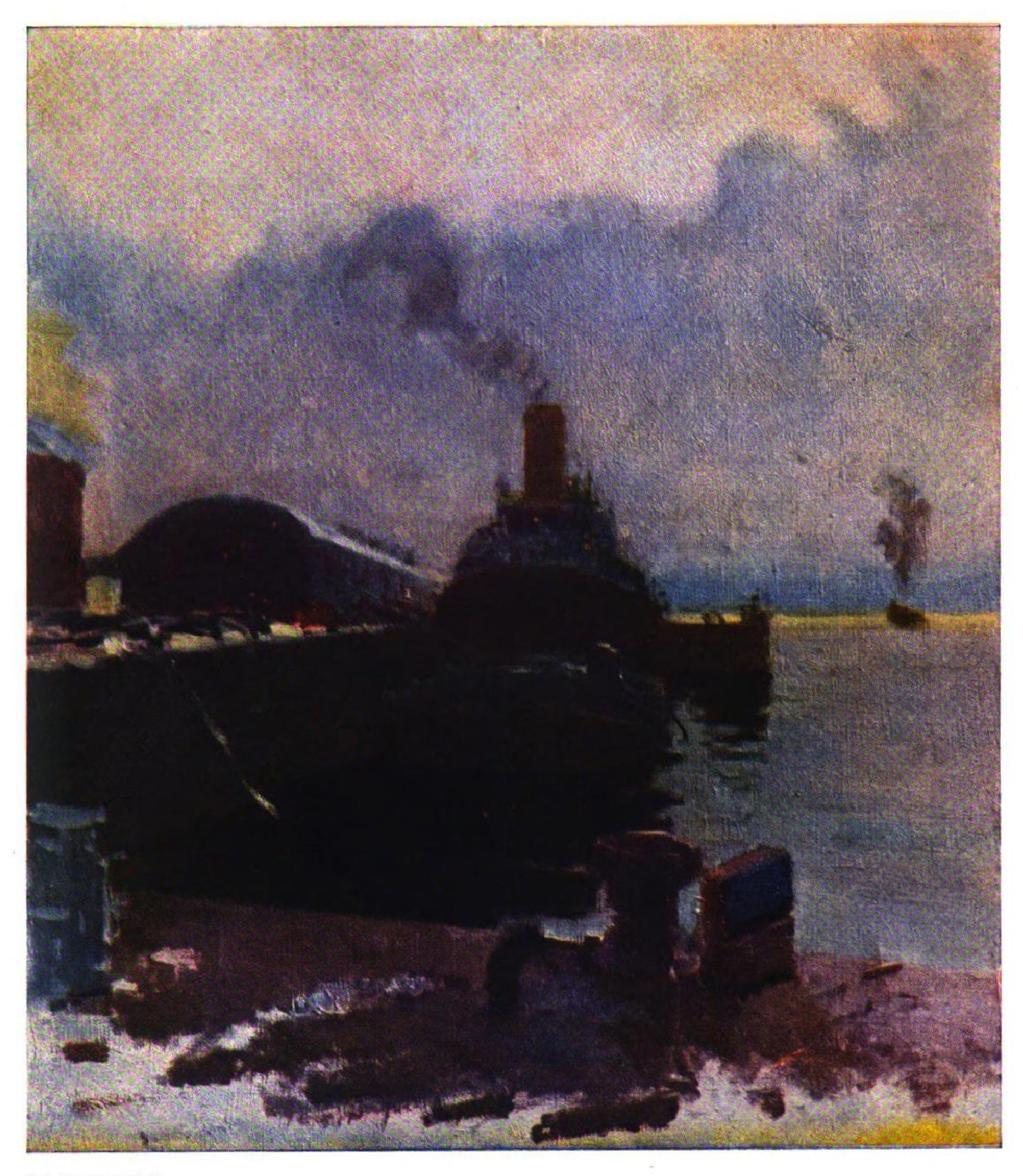
«Огонек». 1956.

В. Н. Горяев. КУПАНИЕ.

А. Д. Гончаров. ДОРОГА В АЛУПКУ.

А. Д. Гончаров. НАТАША ДЕХТЕРЕВА

К. Г. Дорохов. ПОРТ.

ГЛАЗАМИ американского ФЕРМЕРА

Есть в Соединенных Штатах жаркий штат Аризона, а в Аризоне — столица Феникс, еще молодой, но бурно растущий город. Когда в прошлом году делегации советских журналистов довелось заехать в Феникс, нас гостеприимно пригласили в клуб «Ярма и седла». Это был клуб фермеров, замечательных животноводов, стада которых славятся на всю страну. Мы приятно пообедали в обществе веселых хриплоголосых людей, многие из которых носили традиционные узкие клетчатые ковбойки и коротенькие, остроносые, затейливого вида сапожки. Скотоводство в этих краях ведется с размахом и смело. Нашим собеседникам было о чем рассказать. В свою очередь, они очень интересовались постановкой и принципами нашего животноводства, работой советских ученых по выведению новых пород скота. Словом, разговор за столом шел оживленный и дружеский, а когда мы уже уходили, в прихожей, где на полке рядком стояли широкие, с непомерными полями шляпы, на стене, в особом орнаменте из петли лассо, висело объявление:

«Идите, идите все! В пятницу, в 9 часов, Джон Джекобс повезет вас всех за железный занавес. Мистер Джекобс утверждает: железного занавеса нет».

И тут один из наших новых знакомых рассказал нам интересную историю о путешествии одного из лучших сельских хозяев Аризоны, всеми уважаемого фермера Джона Джекобса, в Советский Союз. Джекобс побывал у нас с американской сельскохозяйственной делегацией. Прощаясь с семьей, с женой Мартой, он дал слово, что будет регулярно посылать им письма и сообщать о своих впечатлениях, писать все — и хорошее и плохое. Он деловой человек, этот Джекобс. Вскоре почтальон завез на его ферму первое письмо с советской маркой, невиданной еще в Аризоне. Но раньше чем письмо дошло до адресата, весть об этом разнеслась по городу, и вслед за письмом в маленький белый домик, стоящий в жаркой равнине, у дороги, нагрянули репортеры аризонских газет, радио, телевидения. Ну как же, пришло письмо из-за «железного занавеса»! Его прислал не какой-нибудь мальчишка, которого легко водить за нос, а Джон Джекобс — человек уважаемый, дотошный, опытный.

Письма из Советского Союза шли регулярно. Их печатали, читали по радио, и их адресат — Марта Джекобс, до тех пор известная соседкам лишь как хорошая кулинарка, в короткое время стала одной из самых популярных фермерш Аризоны. А заодно аризонцы узнали, что за «железным занавесом», куда смело ринулся их земляк, лежит огромная страна, гостеприимно и ласково встретившая американских сельских хозяев; что в стране этой гигантские заводы производят новейшие сельскохозяйственные машины; что хозяйство там ведется на иных, чем в Америке, началах, но ведется с огромным размахом и урожаи в передовых колхозах и совхозах хорошие. Но главное, что узнал в этой поездке аризонский фермер,— это то, что всюду: и в пути, и в поездах, и на пароходах, и на местах,— в русских, узбекских, казахских совхозах и колхозах живут веселые, жизнерадостные, по горло занятые мирным трудом люди, что люди эти любят шутку, песню, хороший, душевный разговор, дружеский спор, и хотя они по ряду вопросов имеют свои, отличные от американцев взгляды, они никому не навязывали их и готовы были внимательно выслушать и уразуметь противоположную точку зрения собеседников. И еще писал Джон Джекобс своей жене Марте, что советские люди очень гостеприимны и всюду сердечно встречают и приветствуют путешествующих американских сельских хозяев, интересуются жизнью Америки, охотно делятся лучшим из своего опыта, но и сами не прочь выслушать деловой совет и поучиться хорошему.

Затем, вернувшись на родину, Джекобс прочел лекцию в самом большом зале Феникса и, наконец, в дни, когда мы гостили в Аризоне, сделал специальный, уже агротехнический доклад для ранчменов, агрономов, ученых-животноводов.

Однажды Джон Джекобс заехал за нами и повез нас показывать свою ферму. Пожилой, худощавый, очень собранный человек в серой шляпе с непомерными полями, он был действительно отличный сельский хозяин, у которого есть чему поучиться. В жаркой пустыне, где и сейчас еще огромные древовидные кактусы молитвенно поднимают к небу свои толстые игольчатые руки, он по ряду культур снимает два урожая в год, причем всюду его хозяйство так спланировано и организовано, что затраты рабочей силы на единицу продукции минимальны.

— Расскажите об этом моим коллегам — председателям ваших колхозов, где я побывал,— говорил нам аризонский фермер.— Если они при богатейших их землях и отличных машинах решат эту проблему, как я, колхозы будут исчислять свои доходы не миллионами, а десятками миллионов...

Потом он отвез нас к себе — в маленький, белый, уютный домик, стоящий у дороги, и познакомил с женой Мартой, милой черноглазой женщиной, той самой, которой он посылал из Советского Союза письма. Она принесла эти письма. Они были перепечатаны на тонкой папиросной бумаге. Оказывается, деловой фермер, вернувшись домой, разослал эти свои письма по университетам и сельскохозяйственным колледжам страны.

— Пусть наши люди знают, что делается за «железным занавесом», которого мы так и не увидели,— улыбаясь, сказал мистер Джекобс.

Он подарил нам на память этот свой первый литературный труд и дал разрешение опубликовать его в одном из советских журналов, что мы, по общему согласию, и делаем, печатая его с небольшими сокращениями в журнале «Огонек». Думается, что советский читатель с интересом познакомится с этими письмами, с открытым и непредвзятым взглядом умного, честного, наблюдательного американца на нашу советскую жизнь, на наше сельское хозяйство, на наши достижения и недостатки. Не все из того, что Джекобс видел у нас, ему понравилось. Кое-что в организации сельского хозяйства вызывает у него сомнение, кое с чем он не согласен и кое о чем готов спорить. Но деловой человек, типичный энергичный янки, ничего не принимающий на веру, тут же все проверяющий путем подсчетов и вычислений,— он все же, несомненно, поражен размахом наших дел, размерами строительства, грандиозностью наших планов и замыслов. Правда, некоторые абсолютные цифры, записанные Джекобсом в живой беседе с советскими людьми, не всегда точны.

И еще что нам дорого в письмах Джона Джекобса, написанных первоначально не для печати, а для жены и домашних, то есть для самых близких ему людей, с которыми человек разговаривает всегда непредвзято, откровенно, не рассчитывая на чужие уши,— это искреннее стремление автора писем к миру и дружбе со всеми народами. Об этом он говорил и нам, советским журналистам, когда мы были его гостями. Он говорил, что мечтает еще раз побывать у нас, поглубже познакомиться с достижениями нашего хозяйства, говорил, что не прочь принять у себя на ферме на практику одного—двух советских студентов и, в свою очередь, послать в Советский Союз на практику и для обмена опытом одного из младших сыновей.

— Люди, хорошо знающие друг друга, не могут друг друга ненавидеть,— говорил Джон Джекобс.

Перед расставанием он подвел нас к большой рамке, из которой смотрели на нас с отдельных фотоснимков двенадцать юношеских, детских и вовсе младенческих лиц. Это были внуки аризонского фермера. Тринадцатое место было пусто. Вместо фотокарточки там стоял знак вопроса. Тринадцатого еще ждали.

— Народам нашим надо дружить, хотя бы вот для них,— сказал аризонский фермер.— Прошу вас передать эти слова моим коллегам, председателям колхозов...

Выполняя его пожелание, я публикую эти слова в заметке, предпосланной письмам Джона Джекобса из Аризоны, которые, думается мне, будут с интересом прочтены в годовщину обмена первыми сельскохозяйственными делегациями между Советским Союзом и США.

Б. ПОЛЕВОЙ

Джон ДЖЕКОБС

12 июля. Вашингтон. Два хлопотливых дня в министерстве земледелия и государственном департаменте. Интересная беседа там с мистером Гувером. Прием в Советском посольстве, исключительно приветливый.

Из Нью-Йорка мы вылетели в Лондон на самолете «Пан-Америкэн Эйруэйс». Приятное путешествие, но было облачно, не пришлось насладиться сверху пейзажами Англии, Уэллса, Ирландии.

В Лондоне мы мало что повидали: надо было спешить снова в аэропорт. Вылетели в 1 час 30 минут пополудни, прошли над Ла-Маншем, пересекли Голландию, она очень красива сверху. Дальше — Гамбург, Германия. Даже теперь с воздуха видны следы авиационных бомбежек времен войны. Красные черепичные крыши деревенских и городских домов в зелени деревьев... Амстердам. Опрятность и чистота везде поразительные. Когда пролетали над Швецией, стюардесса попросила нас не делать фотоснимков.

В Хельсинки прибыли в 10 вечера. Некоторые финны, с которыми мы говорили, удивились, когда узнали, что мы едем из Америки в Россию... Видели Олимпийский стадион. С вершины двадцатиэтажной башни прекрасный вид на город, Лютеранский собор, университет, ботанический сад. Если учесть потери и разрушения, понесенные во время войны, финны сравнительно быстро восстановили прежнее положение. В Хельсинки много товаров, умеренные цены.

После завтрака мы разместились в специальном самолете, который русские прислали за нами. Машина оказалась весьма комфортабельной, в ней 21 место, она напоминает наш «ДС-3». Мы летели вдоль финского берега и пересекли советскую границу в Выборге (бывший Виипури). Только над этим пунктом стюардесса просила нас не фотографировать. Она была очень мила и гостеприимна, и на лице ее не было следов косметики.

И вот — Ленинград. Нас встретили местные представители власти. Большой ресторан, зал с мраморными колоннами. Подали хороший обед из трех блюд, все были очень любезны, жалели, что мы не можем задержаться, чтобы осмотреть город, его заводы, особенно производство сельскохозяйственных машин, его университеты. По словам встречавших нас, в Ленинграде — 100 тысяч студентов. Как вы знаете, это бывшая столица России, окно в Европу, как они ее называли. Построил город, кажется, царь Петр. Впрочем, я не очень силен в истории России — знаю только, что после революции столица была переведена в Москву. Под Ленинградом — Пулковская обсерватория, там сохранилось много следов укреплений, построенных для обороны города от гитлеровского нашествия. Русские отбили захватчиков и спасли город.

Перелет в Москву прошел без интересных событий: сплошная облачность. Нас угостили чаем с лимоном в стаканах с серебряными подстаканниками — очень вкусным. Десять часов утра — и мы в Москве. Здесь нас ожидала большая делегация из советского Министерства сельского хозяйства.

Фото- и кинорепортеры заполнили всю площадку аэровокзала.

Мы въезжали в столицу по той самой дороге, по которой уходил из Москвы Наполеон. Поселили нас в гостинице «Националь». Она удобна, но распорядок здесь другой, чем у нас в отелях.

Суббота, 16 июля. Беседа в американском посольстве о плане нашей поездки. Потом обсуждение этого плана в Министерстве сельского хозяйства. Мы предложили некоторые сокращения в маршруте, с тем чтобы вернуться из поездки на 2 дня раньше и провести их в Москве... В Нью-Йорке я буду 25 августа утром.

Воскресенье, 17 июля. Весь день — на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке. Ее территория — 500 акров, на которых возведено более 300 больших зданий. Каждая республика имеет свой павильон и выставляет там образцы всего того, что дает земледелие и животноводство. Это самая большая выставка, какую я только видел в жизни. Да, они умеют показывать свои достижения! Тут все — вплоть до ипподрома, на котором показывают скачки породистых лошадей и даже тройку в старом русском стиле.

Назавтра мы были гостями в колхозе и совхозе под Москвой. В 4 часа нас сытно накормили сыром, маслом, яйцами, жареной свининой с рисом и, в заключение, крупной клубникой в сметане. Что за огромное хозяйство, этот совхоз! Каждая его часть — это целый край. Мы увидели много интересного.

Я решил взять в поездку только самое необходимое. Слишком много багажа при таких расстояниях везти с собой трудно. Если вы услышите об иностранце, который путешествует по Сибири голый, в одних трусах, то это я.

Русские крестьяне выглядят хорошо, любят побеседовать, очень гостеприимны. Мне кажется, что они рады случаю познакомиться с нами, порасспросить о нашей стране. У нас было два или три трогательных разговора.

19 июля. Уезжая из гостиницы, многие из нас оставили лишний багаж. С коридорными для переноски чемоданов получалось так, что их то оказывалось больше, чем нужно, то нельзя было найти ни одного. Я с моим облегченным багажом был в полной готовности к длительному путешествию.

На вокзал нас отвезли в самых больших машинах, которыми, как говорят, пользуются только выдающиеся деятели. Носильщики на ремне, перекинутом через спину, уносили сразу по два чемодана, прихватив еще по чемодану в руки. Огромная толпа пассажиров, среди них много с лицами монгольского типа — эти приехали из республик Средней Азии. Нас провели через специальный выход и залы, уставленные старой, но удобной мебелью для отдыха.

Русские поезда очень любопытны. Вагон весь состоит из отдельных купе — два спальных места наверху, два внизу, отдельная дверь, ведущая из длинного коридора. Моими соседями по купе оказались мистер Клейнер из Айдахо, декан Ламберт из Небраски и мистер Дэвис, атташе по сельскохозяйственным вопросам американского посольства в Москве. Нас сопровождали в поезде корреспонденты американских газет и радиокомпаний, несколько русских журналистов, переводчики, представители Министерства сельского хозяйства, «Интуриста». Ужин нам предложили в 10 или 11 часов — по нашему желанию. После сытного обеда в совхозе в 4 часа наши желудки были переполнены, но мы согласились на 10.

В специальном вагоне-ресторане мы поужинали бутербродами с икрой, чаем и кексом с изюмом, очень вкусным. Я спросил, нет ли крикетов вместо хлеба к икре. Мой личный переводчик, мистер Клейнер, перевел мою просьбу по-русски. Да, пожалуйста! Но мне принесли из кухни вместо крикетов несколько кусочков поджаренного белого хлеба. Русские никогда не говорят, что у них нет того, что ты просишь...

Вагон очень комфортабелен. Мягкие матрацы на койке, большие подушки, удобно спать. Улеглись мы в полночь. Я проснулся в четыре утра, было совсем светло. Мы ехали по Украине, были на полпути из Москвы в Харьков. Я часа два смотрел с верхней койки на бегущий мимо нас пейзаж. Завтрак полагался в девять часов. В восемь я уже оделся и отправился в ресторан. Трое официантов силились понять, чего бы мне хотелось поесть. Они говорили по-русски и не то подсмеивались надо мной, не то старались объяснить, чтó у них есть к завтраку. Я решил заказать кофе. Принесли мне чай с лимоном, очень хороший, и закуски. Я подкрепился и мог теперь ждать до девяти.

Вокруг была слегка холмистая степь, сплошной чернозем. Пшеница, картофель, изредка овес, много красного клевера. Видел в поле сахарную свеклу. Пшеница хороша, рожь высотой по колено, но в целом урожай выглядит приличным. Мы проехали мимо нескольких, по виду больших городов, они лежат вдалеке от железной дороги. Деревни состоят из выстроившихся рядами крестьянских домов, выбеленных известкой, с высокими крышами. Окруженные зеленью, они имеют привлекательный вид. В войну здесь было много разрушений; восстановление, как мне показалось, идет быстро.

Завтрак состоял из икры, салата, небольших бифштексов с жареным луком, горошком и картофелем, фруктового компота. Мы пили и какую-то знаменитую русскую минеральную воду. В Харьков прибыли в 12.30, там нас встретил мэр города и сотни жителей.

20 июля. В гостях у мэра Харькова. Смотрели документальные кинофильмы о местных заводах, парках, новых домах. Очень хороши цветные картины, где показаны были народные любительские танцы, хоровое пение. Когда мы вышли из здания городского Совета, нас ждала на улице большая толпа народа. Еще больше собралось людей у входа в отель. И так потом бывало повсюду, куда мы ни приезжали, — иногда мы с трудом пробирались к машинам. Только один раз мы услышали недоброжелательный отзыв о себе. Какой-то старый человек подошел поближе к нам и спросил переводчика, кто мы. Услышав, что мы американские фермеры, он сказал: «Ага, капиталисты!» Но его слова, кажется, вызвали протесты в толпе.

21 июля. Сегодня я поднялся в 6.30 утра. Вчетвером мы отправились на один из городских рынков Харькова, где крестьяне продают продукты со своего приусадебного хозяйства. Цены на помидоры, морковь, картофель, лук и т. д. в переводе на американские деньги, если учесть реальную стоимость рубля в стране, — это, в общем, на одном уровне с нашими ценами. Интересно было наблюдать, какая масса людей толпится на рынке!

После завтрака мы поехали на Харьковский тракторный завод. Нас разглядывали с большим интересом. Директор назвал нам цифры: на заводе занято 15 тысяч рабочих и служащих, продукция в 1954 году — 16 тысяч гусеничных тракторов в 54 лошадиные силы. Мы обошли все предприятие, проследили сборку трактора, и один из нас, мистер Кларк из Вашингтона, сел за руль машины, когда она сошла с конвейера. Он сказал, что в управлении трактор похож на американский. Когда мы проходили по цехам, рабочие нас приветствовали, а в конце окружили и поднесли нам цветы. Они говорили, что хотят мира, — эти слова мы слышали везде, где только бывали.

В помещении директора нас ждало угощение — салаты из помидоров, огурцов, лука и маслин, белый и черный хлеб, масло, молоко, и каждому — по стакану густой сметаны. Я ел все это — мне понравилось. Потом жареная свинина и десерт. За едой подымали тосты за мир. Потом наши хозяева пели, — надо сказать, они умеют петь! Ольсен из Айовы тоже спел им соло — у него хороший голос. А потом и я затянул нашу, аризонскую.

Летний лагерь для детей рабочих завода. Он показался мне похожим на наши. Порядок, много воспитательниц, дети в черных трусах и белых рубашках — и девочки и мальчики. Комнаты светлые, солнечные, уставленные рядами маленьких кроваток. Мы осмотрели кухню, площадки для игр, лужайки. Вокруг — красивый лес. На открытой летней сцене ребята показали нам народные танцы, пели под аккомпанемент рояля, исполняли небольшие пьески. А потом дети потащили нас плясать с ними вместе. Ну, это была потеха! Вокруг шныряли репортеры — до сорока фотоаппаратов и кинокамер.

Отправились на машинно-тракторную станцию. Это центр десяти колхозов с площадью земли в 26 тысяч гектаров. Несколько солидных построек, мастерские. МТС предоставляет колхозам машины и трактористов. Мне объяснили, что взыскивают за это 4% валового дохода колхоза. Скажите Джеку Клику, что я был бы готов с ним поладить на таких же условиях.

22 июля. Визит на селекционную станцию Украинской Академии наук. Нам показали делянки пшеницы множества сортов. Было очень интересно наблюдать сорта и их приспособляемость — одни низкие, другие высокие, некоторые плохо удавшиеся. Лучшие из сортов были местные. Здесь же участки овса, ржи, свеклы, картофеля, льна, подсолнечника, красного клевера и других растений. Но я не нашел ячменя, маиса, сорго и некоторых других видов, которые мы сеем в Аризоне. Картофель у них большей частью с белой, коричневой или желтой кожицей и белым или желтым мясом. Всего земли — 4 тысячи гектаров. Искусственного орошения нет. Годовой бюджет станции — 4 миллиона рублей оборотных средств, 1 миллион — на мелиоративные работы; они продают также урожай, и если он превышает установленный для них план, правительство республики выдает им премию. Эти деньги используются на капитальные вложения (да, да, представьте себе — они тоже называют это основным капиталом!).

Директор угостил нас вкусными абрикосами, малиной, потом мы беседовали. Научные работники на все вопросы отвечали подробно и совершенно откровенно...

Встреча американской сельскохозяйственной делегации в виноградарно-винодельческом совхозе имени Молотова в Краснодарском крае.

В овощеводческом и молочном колхозе «Шлях Ленина», который мы посетили затем, — 1 137 гектаров земельных угодий. Такие хозяйства, расположенные вблизи городов, пользуются льготами и поощрениями. Они сдают 30% продукции натурой государству, а остальное, за вычетом расходов и резервов, идет колхозным семьям. Мы видели большие оранжереи и теплицы — там выводят разные овощи. После осмотра огородов, животноводческих ферм и других построек нас усадили за стол, который ломился от еды: салат, помидоры, огурцы, абрикосы, яблоки, земляника, свежее масло, сыр, сметана, кислое и цельное молоко, цыплята, свинина и всяческое печение и сласти. Широкое и теплое гостеприимство! Все пили за мир между нашими народами, и я определенно считаю, что это было вполне искренне. Нас засыпали разнообразными, но всегда идущими к делу вопросами, мы отвечали. Как и везде, нас встречали здесь хлебом-солью, и дети подносили цветы...

23 июля. Колонной в 8 машин, по 6 человек в каждой, мы выехали в Днепропетровск. На границе Днепропетровской области, у городка величиной с наш Ярнелл, мы вдруг увидели огромную толпу, запрудившую дорогу. Это нас вышли приветствовать местные жители. Официальные лица произнесли приветственные речи, на которые отвечал наш руководитель, декан Ламберт. Я подсчитал приблизительное количество собравшихся людей — 50 рядов по 50—60 человек в каждом, это составило по меньшей мере две с половиной тысячи мужчин, женщин и детей; они все внимательно слушали, повернув к нам лица. Это было самое волнующее зрелище, какое я видел в жизни! Когда мы направились к машинам, толпа расступилась, над нею неслись возгласы — по-русски, иногда по-английски: «Добро пожаловать, американцы!» Очень волновал этот жадный порыв народной массы к миру и дружбе. А тут еще вспомнилось напряжение в мире, которое нависло, как постоянная угроза...

Днепропетровск — большой город с 750 тысячами жителей. У гостиницы нас ждала огромная толпа людей. Целая буря приветствий: «Здравствуйте, американцы!» Нас ввели в холл с большими окнами, выходящими на улицу. Мы видели, как масса людей стоит, подняв руки, аплодирует нам. Это было проявление искреннего чувства, и мы его оценили.

Между прочим, скажите Биллу, что на полях местного колхоза, который мы посетили, я видел двух диких птиц, похожих на индейку, — они ходили в четверти мили от меня. Я попросил переводчика достать яйца этой птицы — привезти Биллу, когда я вернусь домой.

После приема и угощения у мэра города мы поехали в Запорожье. Новый город, состоящий из больших домов, рядом — старый город. Здесь все строилось в 30-х годах вместе с Днепрогэсом. Были сооружены тогда и большие металлургические заводы для использования электроэнергии от гидростанции. Я заметил, что часть заводов потребляет и уголь. Запорожье — город с 500 тысячами жителей, из них 150 тысяч рабочих.

И вот мы у плотины Днепростроя. Электростанцию нам показывал директор мистер Иванов. Это инженер, восстанавливавший плотину, разрушенную немецким нашествием. Он показал фотоснимки разрушений и рассказал нам всю историю Днепростроя. Это было первое место, где нас попросили не фотографировать (и я это вполне понимаю). Впрочем, было темно для съемки. Никто из нас не нарушил запрета и не пустил в ход импульсную лампу.

Директор показал нам всю станцию и ответил на все вопросы. Он очень похвально отозвался о четырех американских инженерах, которые консультировали строительство на первом его этапе.

В Днепропетровск вернулись в полночь. И здесь много людей ждало нас у гостиницы.

24 июля. Сегодня легкий день — поездка в Александрию, на семеноводческую станцию. Использовал свободное время, чтобы просмотреть заметки и прогуляться по городу. Отдал в стирку белье. Боюсь, мои рубашки будут носить пестрые следы моего путешествия, когда я вернусь домой. В Москве я свел свое обмундирование к следующему: три рубашки, три пары брюк, один пиджак, один жакет, четыре пары носков, две пары трусов, две пары ботинок, галоши, дождевик и аптечка скорой медицинской помощи. Кстати, кое-кто из наших ребят нуждался в ней из-за переполнения желудка, а меня бог миловал, хотя я ем все, что подают на стол.

Несколько человек наших побывало в большом местном соборе,— говорят, что там было много молящихся. Пройдет день — два, и мы отправимся пароходом по Черному морю в Новороссийск.

27 июля. Вечер. После большого приема, устроенного в нашу честь мэром Одессы, нам преподнесли в подарок национальные украинские рубашки. Они из льняной материи, с вышитой грудью и воротом. Преподнесли нам и по ящику вина — с собой, на родину...

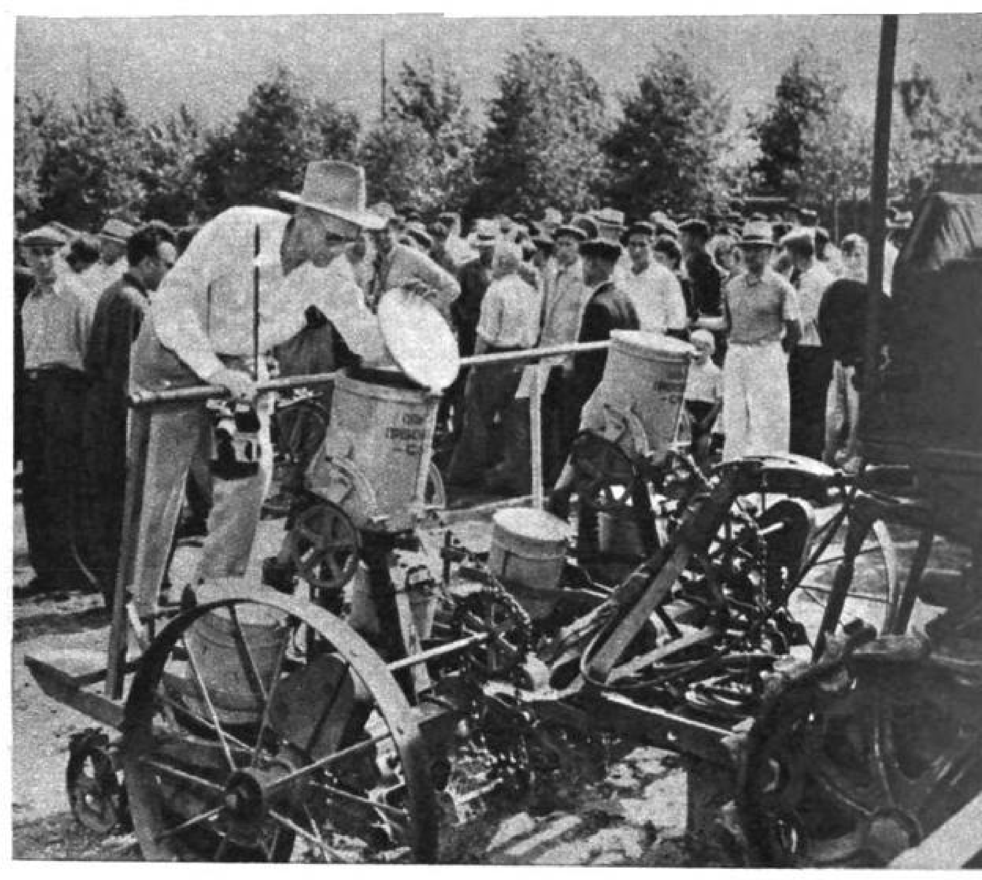
Мы на пароходе, едем по Черному морю. Остановка в Евпатории — этому курорту, говорят, когда-то покровительствовала царская фамилия. Гуляли около часа по берегу. Много отдыхающих — очень похоже на пляжи Южной Калифорнии. Некоторые из нас зашли в местный парк — там мы увидели плакаты, на которых Америка выглядела чудовищем. Мы засняли плакаты и показали нашим хозяевам, добавив, что они не увидят ничего подобного в Соединенных Штатах. Нам ответили, что плакаты старые.

На пароходе капитан пригласил нас пообедать — обед был превосходен. Капитан был очень радушен. Он рассказал нам, что потерял в войну родителей, жену и детей; их убили оккупанты в Одессе. Он предложил тост: «Пусть никогда не будет войн!» — и добавил, что несогласные могут не пить за это пожелание. Все мы присоединились к этому тосту.

28 июля. Интересное происшествие утром. Я встал раньше всей нашей группы и отправился в ресторан. Заказал черный кофе без сахара, дыню, поджаренный хлеб, вареные яйца, варенье. Весь состав официантов собрался у моего столика — они старались понять, чего я хочу. Я ждал, не будучи уверен, что они поняли. Принесли мне следующее: томатный сок, неподжаренный черный хлеб, два холодных крутых яйца, порцию икры, полчашки турецкого кофе, сахар и немного холодной воды. Я съел все это и отправился к себе.

После обеда мы уселись в гостиной. Местные пассажиры пели под аккомпанемент пианино. Все были очень музыкальны, и хор звучал отлично. Пассажиры третьего класса спали на открытой палубе, но всем разрешалось проводить время в гостиной. Узнав, что мы американцы, пассажиры попросили спеть и нас. Ольсен дирижировал, и мы неплохо исполнили несколько номеров, закончив песенкой «Доброй ночи, леди». Приятный, веселый вечер. На палубе, куда я пошел с Клейнером, дети спали, укрытые легкими одеялами, на лежанках. У меня завязалась на полчаса интересная беседа с десятком студентов-техников — они расспрашивали меня об Америке, особенно о состоянии ирригации в нашем сельском хозяйстве. Студенты получили много сведений о нашей стране. Было уже заполночь, и наши хозяева погнали нас спать.

29 июля. Ялта. Красивый город, похожий на Санта-Барбара, только горы ближе к берегу. 30 тысяч жителей, а если считать курорты, то около 68 тысяч. Дороги — горные, с крутыми поворотами; наши машины, приспособленные для больших городов, мчались, однако, во всю прыть — шоферы не жалели резины. Мне показалось, что мы несколько раз были на волосок от аварии, но все обошлось благополучно. Мы побывали во дворце, где происходила Ялтинская конференция, раньше здесь жил Николай II. Комнаты, где жил Рузвельт, были отделаны по стенам панелями из карельской березы и розовым вельветом. Теперь здесь профсоюзный санаторий для рабочих. Плата за 28 дней — 1 400 рублей, 70% берет на себя профсоюз. Я сделал несколько снимков. В заключение мы посетили большие винные подвалы в горах над Ялтой. Вместимость их — 15 тысяч больших баррелей вина. Нам показали вина 1775 года и бутылку вина, лично запечатанную царем Николаем.

Джон Джекобс осматривает навесную квадратно-гнездовую сеялку на Кубанской государственной машинно-испытательной станции (Краснодарский край).

Фото В. Соболева (ТАСС).

Старший винодел, сын винодела, служившего при Николае, рассказал, что запас коллекционных вин был эвакуирован перед приходом сюда немцев, а после освобождения Крыма водворен обратно. Нас пригласили отведать крымских вин и преподнесли каждому на память по бутылке муската 1944 года...

Морское путешествие было очень приятным. Мы хорошо отдохнули. Красивые пейзажи, морской воздух, — надо сказать, что отдых пришелся весьма кстати.

В Новороссийске нас встретила на молу огромная масса людей — я не преувеличу, если скажу, что собралось до десяти тысяч. Пробраться через мол к машинам мы смогли только с большим трудом. Нас приветствовали аплодисментами, криками: «Привет, американцы!» Одна старая женщина, лет 60, заговорила со мной по-русски. Она сообщила, что у нее погибло на войне три сына, и спросила меня, желаем ли мы новой войны. Я заверил ее, что нет. Тогда она сказала: «Благослови вас бог, пусть он всем нам поможет». Клейнер перевел мне ее слова. Впервые я услышал после приезда в Россию такое непосредственное выражение чувств.

Наконец-то гостиница, скорее в постель!

30 июля. Едем по берегу моря в большой виноградарский совхоз. Долго его осматривали, потом — завтрак в правлении. Вдруг наши хозяева запели хором — мне объяснили, что это в честь дня моего рождения. Дети поднесли мне цветы, а затем последовал главный подарок: красивый торт, увенчанный рогом изобилия из крема, и бутылка шампанского. Я увез вино в гостиницу и там угостил наших ребят. Сам я так поздно пить не мог.

(Окончание следует)

Николай Чехов, ХУДОЖНИК

Широко известен снимок, где изображены два молодых человека. Один, сидя за небольшим столиком, что-то рисует. Это Николай Павлович Чехов, художник. Рядом стоит, разглядывая рисунок, его брат Антон, писатель...

Скупой на слова одобрения, А. П. Чехов писал брату-художнику: «Ты одарен свыше тем, чего нет у других: у тебя талант».

Николай мог бы стать большим художником. Но, имея талант, он ничем не хотел пожертвовать для него. А ведь именно к этому — отказаться во имя таланта от «покоя, женщин, вина, суеты» — звал художника его брат. И путь мог быть только один: «беспрерывный дневной и ночной труд, вечное чтение, штудировка, воля». Таков был путь самого писателя.

Художник пошел по другому пути.

Но как же велико было дарование Николая Чехова, если, несмотря на влияние «богемы», скитальческую жизнь, слабое здоровье, болезнь глаз, его произведения волнуют нас и сегодня.

Не только Москва, где жил Николай, но и Петербург знал и ценил двух Чеховых — писателя и художника. И старший брат обоих, «Чехов номер один», Александр, не без горечи писал в январе 1887 года из Петербурга: «Слава Николая удивительно живуча. Масса Эрберов (речь идет о посредственном художнике - карикатуристе того времени.—Н. П.) и tutti quanti гибнет через неделю без следа, но о нем Питер помнит и справляется при каждой встрече со мною. Мне выпала курьезная роль. В литературных кружках со мной горячо знакомятся, как с Антоном, а в художественных, как с Николаем. Сначала жмут руку сильно, а потом, узнав ошибку, едва дают пальцы. Но не в этом дело, я к этому привык. Попади Косой теперь в Питер и возьмись за дело — он был бы на первом плане» («Косым» в семье Чеховых называли художника).

Н. Чехов. САЛОН ДЕ ВАРЬЕТЕ. Из журнала «Зритель». 1881.

Жизнь Николая Чехова была коротка и небогата событиями. Родился он в Таганроге в 1858 году. Едва закончив пять классов гимназии, Николай Чехов отправился в Москву искать счастья. В 1875 году он был принят в училище живописи, ваяния и зодчества. Здесь встретился с Левитаном. Художники подружились. Известно, что Николаю Чехову принадлежит одинокая женская фигура в картине Левитана «Осенний день. Сокольники», Левитан писал небо в картине Чехова «Мессалина».

В эти же годы возникает и крепнет творческое содружество братьев Чеховых — Антона и Николая. Они вместе работают в «Будильнике», «Зрителе», «Осколках». Антон Павлович дает Николаю темы для рисунков, делает к ним подписи. Николай иллюстрирует фельетоны и рассказы Антона, делает иллюстрации к первому, так и не увидевшему свет сборнику рассказов Антоши Чехонте «На досуге».

Годы совместной работы сближают братьев. Но приходит беда. Николай тяжело заболел чахоткой. И вот последний этап жизни художника. Лука, тихое местечко на Украине. Усадьба друзей Антона Павловича—Линтваревых. Сюда повез он уже безнадежно больного брата. 17 июня 1889 года художника не стало.

Архитектор Ф. Шехтель, друг и товарищ Николая Чехова, узнав о его смерти, писал: «Теперь, когда его уже нет более, остается лишь вспомянуть, да и почаще вспоминать его детски чистую душу, к которой ничего грязного не приставало, несмотря на всю близость массы грязи, около которой приходится тереться».

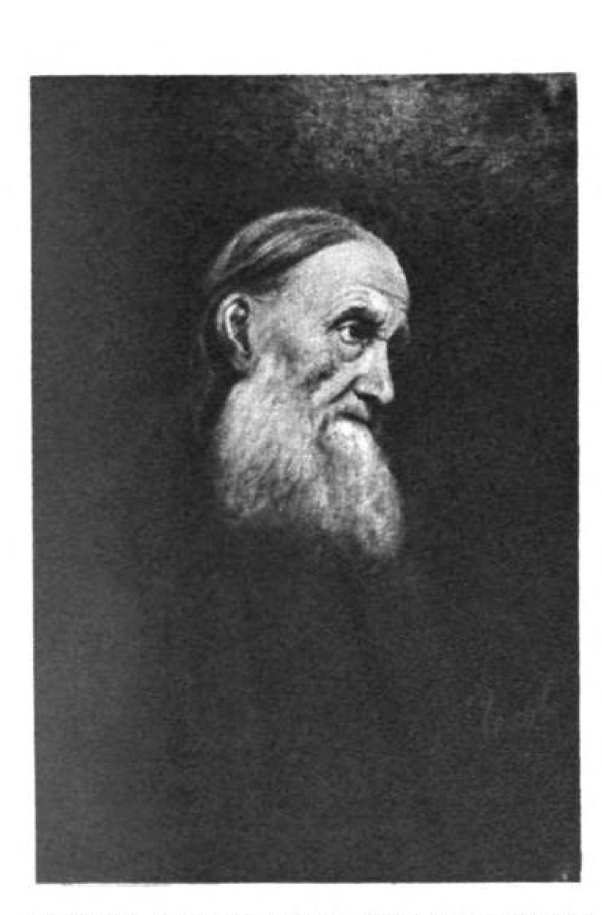
Умер Николай, и в жизни писателя Чехова, брата и друга, образовалась брешь, пустота. Но показывать этого он не хотел никому. «Ревут все. Не плачет только один Антон, а это — скверно»,— писал в первые, самые тяжелые дни старший брат писателя, Александр Чехов.

Творческие связи между писателем Чеховым и художником Чеховым до сих пор не изучены.

Спустя десять лет после смерти художника Антон Павлович писал сестре Марии Павловне: «Я решил собрать все рисунки Николая... Есть такие рисунки, что даже не верится, как это мы до сих пор не позаботились собрать их». Это желание А. П. Чехова до сих пор также не осуществлено.

Собрать и изучить художественное наследство Николая Чехова остается задачей исследователя.

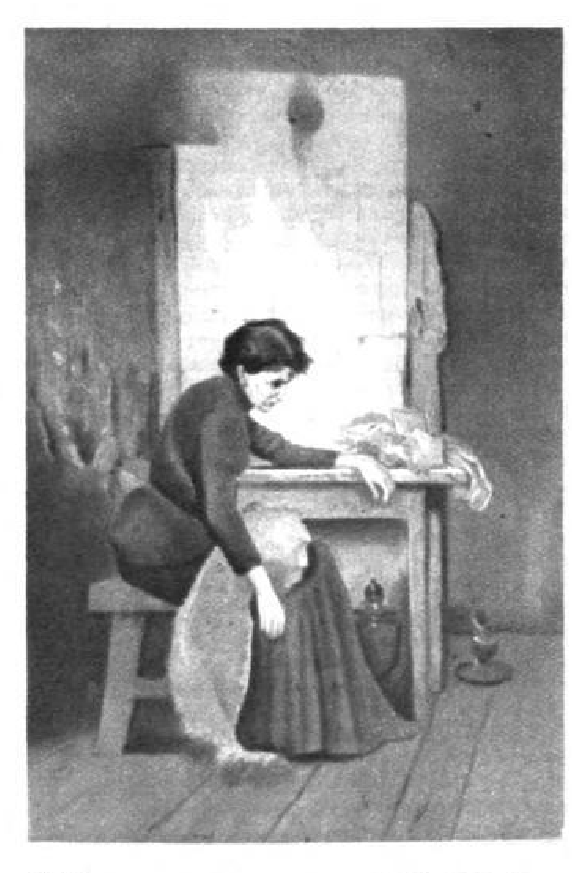
Н. ПОДОРОЛЬСКИЯ

Н. Чехов. СТАРИК. Масло. 1877. Государственный литературный музей. Публикуется впервые.

Н. Чехов. СТРАННИЦА. Рисунок. 1889. Государственный литературный музей. Публикуется впервые.

Н. Чехов. БЕДНОСТЬ. Масло. 1884—1885. Дом-музей А. П. Чехова в Ялте.

ПОДСАДНАЯ УТКА

Рассказ

Юрий НАГИБИН

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА.

Автомобильная дорога в Мещеру ненадежна. Ее каждый год ремонтируют, перекрывая на многие километры, а объездные пути не по колесам легковой машине. В прошлом году я из-за этой дороги пропустил первую утреннюю зорьку августовской охоты. На сто тридцать шестом километре поперек шоссе стоял полосатый переносный шлагбаум, вдобавок к нему дорожный запрещающий знак и стрела, указывающая на объезд. Объездной большак начинался громадной лужей, в ней плавала луна, как в озере. На берегу лужи уже стояло несколько «москвичей», «побед» и даже один «ЗИМ». Вместе с моими товарищами по несчастью, московскими охотниками, я протомился там с полуночи до утра, тщетно ожидая попутный грузовик. С сердечной тоской видели мы, как занимается самая волнующая из всех зорь — заря охотничьего сезона.

Напрасно пытались мы пристроиться к грузовикам, изредка следующим в направлении Мещеры. Грузовики шли в Дерзковую, от которой до нужного нам Ефремова было еще километров тридцать. Когда, лихо разбрызгав лужу, ушел четвертый по счету грузовик, охотник, сидевший в «ЗИМе» и терпеливо ожидавший исхода наших переговоров, вышел из машины.

— Дайте-ка я попробую,— сказал он.

Рослый, дородный, щекастый, в толстых кожаных брюках и кожаной курточке, он властно остановил первый же грузовик и сразу договорился с шофером. Не знаю, чем он достиг этого. Мы предлагали шоферам все: деньги, водку, дружбу, слезы,— но они оставались неумолимыми.

Впрочем, в дороге мы на себе испытали властную манеру Андреева — так назвался охотник,— подчинявшую ему людей и вещи. По его вине мы дважды сбивались с дороги. Вначале он убедил и нас и шофера, что кратчайший путь к Ефремову ведет мимо маслозавода. Каждый из нас был почти уверен, что это не так, но Андреев был до конца убежден в своей правоте, мы покорились... и заехали в жнивье, где оборвался слабый след тележной колеи, напоминавший дорогу. И вторично мы дали сбить себя с толку, когда уже в виду озера взяли напрямик через поле. Под ворсом травы «гладкое, как ладонь», по словам Андреева, поле оказалось изрытым глубокими ухабами. После сорокаминутной болтанки, перед которой меркнет любая качка на море, мы вернулись назад. Промахи не смутили Андреева, быть может, потому, что машину-то как-никак раздобыл он. В остальном же он оказался удобным спутником. На привале он первым опростал свой мешок, до отказа набитый консервами, охотничьими сосисками, крутыми яйцами и слипшимися котлетами, начиненными луком. Оказался у него и коньячок, которым он щедро поделился со всей компанией, и горячий черный кофе в термосе. Андреев наивно гордился тем, что он так хорошо экипирован и снаряжен. У него действительно с излишком было все, что необходимо в дороге: от спального мешка до пробочника, от легкого водонепроницаемого костюма из прорезиненной шелковой ткани до «сокабуль»...

В Подсвятье мы прибыли среди дня, сохранив для себя вечернюю зорьку. Здесь наша дорожная компания распалась. У каждого был свой знакомый охотник, или, как любят говорить в Мещере, егерь. Я отправился к старому приятелю Анатолию Ивановичу, с которым мне предстояло начать уже третий кряду охотничий сезон. За год, истекший с нашей последней встречи, Анатолий Иванович совсем не изменился. Тот же красноватый загар на лице и белые залысины, уходящие на темя. Та же неразвернутая, застенчивая улыбка на обветренных губах. Так же твердо уперлись жилистые, будто ремнями перевитые руки в перекладины костылей, держа почти на весу скупое, легкое тело егеря.

Мы поздоровались просто и радостно.

— Как в Москве с крупой? — спросил Анатолий Иванович. Почему-то это всегда интересовало его в первую очередь.

Приятно возвращаться на старое, испытанное место. Не надо привыкать, приспосабливаться, расспрашивать, что и зачем. Я уже знал, куда мне сунуть рюкзак, на какой гвоздь повесить плащ, а на какой — ружье, где попить чистой водички. Я знал, что сломанная фарфоровая фигурка служит пепельницей, что обтирочные концы валяются под лавкой, что за зеленоватым зеркальцем на комоде всегда найдется коробок спичек, а в большой пудренице с головкой Кармен на крышке — щепоть — другая накрошенного из дешевых папирос табаку. Я знал, что на печи греется пара валенок, в которые так приятно сунуть после охоты настывшие ноги, а рядом с валенками — противень с жареными тыквенными семечками. Знал, что стоящий на подоконнике небольшой радиоприемник недостаточно просто включить, чтобы он заговорил, надо еще встряхнуть его, а затем шлепнуть по днищу. Но лучше этого не делать. Приемник работал на сухих батареях, которых здесь не сыщешь ни за какие деньги, и сам Анатолий Иванович ничего, кроме последних известий да концертов Краснознаменного ансамбля, не слушал.

Я едва успел помыться и почиститься с дороги, как пришло время собираться на охоту. Путь предстоял немалый: через поле, вырубку, лес и два обширных болота.

Я набивал патронташ, когда отлучавшийся куда-то Анатолий Иванович объявил, что с нами будет третий.

— Ты с челноком управишься? — спросил Анатолий Иванович.

— Разумеется,— ответил я, несколько задетый тем, что мои прошлогодние успехи в управлении местным вертким и одновременно неуклюжим водным транспортом не удержались в памяти Анатолия Ивановича.— А кого ты еще берешь?

Анатолий Иванович не успел ответить. В сенях послышался бархатистый, рокочущий басок, и в комнату, нагнувшись под притолокой, вошел Андреев. Ни дать, ни взять — бог охоты. На нем толстый кожаный комбинезон, финская шапочка с полукруглым козырьком; за плечом «Зауэр» — три кольца, кожаный ягдташ с захлестками для утиных шей, рюкзак; нож в замшевом чехольчике, хронометр и компас дополняли его обмундирование. От него веяло силой, здоровьем и беспощадностью.

Оказалось, что прошлогодний егерь Андреева уехал на далекое Святое озеро и вернется не раньше чем дней через пять — шесть. Вот Андрееву и сосватали Анатолия Ивановича, благо тот держал на Великом два челнока.

Почти следом за Андреевым зашел младший брат Анатолия Ивановича, Василий. Он сопровождал сегодня генерала и, видимо, не желая ударить лицом в грязь, пришел прощупать брата насчет возможностей охоты.

— Вы на Березовый остров поедете? — спросил Василий.

— А что там, на Березовом, делать-то? — отозвался пренебрежительно Анатолий Иванович.

Я уже не первый год наблюдал двух братьев и еще ни разу не видел, чтобы они хоть в чем-нибудь сошлись друг с другом. Это был какой-то пережиток их детских отношений, особенно трогательный в старшем — серьезном, прохладноватом, никогда не теряющем чувства собственного достоинства Анатолии Ивановиче.

— На Березовом утиного мясца ныне не найдешь, — повторил он убежденно.

— Говорят, вчера там здорово надобычили.

— Говорят, что кур доят. На Хахаль идти надо: единственное место.

— Кто его знает!.. — протянул меньшой брат.

И хотя голос его звучал скорее сомнением, нежели согласием, Анатолий Иванович тут же поторопился изменить собственное мнение:

— Только навряд там браконьеры чего оставили...

— Ты ружье берешь? — спросил младший брат.

Анатолий Иванович с сожалением бросил взгляд на свою испытанную «тулку», висящую на стене, и сурово сказал:

— Дела с забавой не путают. Мы не бабахать едем, а гостей везем.

— И то верно, чего его зря таскать?

— Небось, руки не отвалятся, — заметил Анатолий Иванович.

Получив столь ясные ответы на интересующие его вопросы, младший направился к двери.

— Подсадные тебе нужны? — спросил он вполоборота.

— Как не нужны? Ты вроде моих уток знаешь...

— А разве вы свою знаменитую подсадную не берете? — спросил Андреев, когда дверь за младшим братом захлопнулась.

— Да нет, зачем она нам?.. — хмуро пробормотал Анатолий Иванович.

— Вот те раз!.. Хорошая подсадная — половина успеха!

— Васька даст подсадных. У него хорошие утки, правильные.

— Не темни, не темни, Анатолий Иванович! — со смехом погрозил ему пальцем Андреев. — Не на таковских напал, мы все про твою Хохлатку знаем!..

— Далась она вам. Утка как утка...

— Ну, как хочешь, а без Хохлатки я не пойду. — Андреев все улыбался, но чувствовалось, что он начинает злиться.

— Дело хозяйское... — пробормотал Анатолий Иванович.

— Люблю мужика! — сказал Андреев. — Ну, хватит упрямиться!

— Нешто не все вам равно, какая подсадная? — с тоской сказал Анатолий Иванович. — Без добычи не останетесь.

Мне как нельзя лучше было понятно упорство Анатолия Ивановича. Ничто так не ценится в Мещере, как хорошая подсадная утка. Ружья у местных охотников, как правило, неважные: старые, разболтанные «тулки» или «ижевки», нередко с треснувшим ложем, обмотанным проволокой. Но я ни разу не слышал, чтобы кто-нибудь из охотников мечтал о «Зауэре» — три кольца, тульском тройнике, бельгийском карабине или любом другом совершенном оружии, до которого столь падки московские любители. Они вполне полагаются на собственные глаз и руку; их ржавые «тулки» и убогие «ижевки» не знают промаха. Но вот подсадная утка — дело другое, ее не заменишь никакой сноровкой.

Бывает утка тупая, которая никак не отзывается на то, что творится вокруг нее. Селезень может пройти над ней, она и голоса не подаст. Или вдруг ни с того, ни с сего заведет свое кря-кря, попусту взбудоражив охотника. Бывает нервная утка: она подымает невообразимый крик, когда мимо нее пролетит чайка или ворона погонится за коршуном, чтобы отнять у него рыбешку. Она вдруг начинает громко бить крыльями по воде, пытаясь оторваться от привязанного к лапке грузила, в такой неистовой тревоге, точно ей грозит неминучая гибель. Она отзывается на все так чутко и бурно, что сбивает охотника с толку. Бывают утки умные, «правильные». Такая утка не дерет даром глотки, но ни один селезень не пролетит мимо, заслышав ее негромкий, зазывный кряк. Она тонко и вкрадчиво подманивает товарок, летящих на вечерний жор. «Пожалуйте сюда,— вежливо и спокойно говорит подсадная.— Здесь очень вкусная еда». Она загодя предупреждает охотника о пролете, словом, она понимает, что от нее требуется, и работает не за страх, а за совесть. И вот среди подобных уток иной раз оказывается такая, что о ней легенды складывают.

Мать подсадной Анатолия Ивановича потоптал дикий селезень — в ней равно чувствовались оба начала. Она была плотнее и крупнее кряквы-дикарки, но суше, поджарей своих домашних сестер. Она была гладенькая, будто водой облитая, лишь над основанием клюва смешным хохолком изгибалось перышко. За это Анатолий Иванович и прозвал ее Хохлаткой. Если селезень на пролете заслышит призыв четырех — пяти подсадных, он неизменно откликнется на деликатный и неназойливый голосок Хохлатки. На каждый случай у нее был свой, особый сигнал охотнику. Прислушиваясь в своем шалашике к ее кряку, Анатолий Иванович знал все, что творится в просторе: вот стая матерых потянула на чистое, вот пролетел за его спиной чирок, вот приближается, готовясь к посадке, тройка гоголей, их придется сейчас бить влет: раздумали садиться...

Некоторые охотники утверждали вполусерьез, вполусмех, что Хохлатка предсказывала Анатолию Ивановичу время прилета матерых, чернышей, шилохвосток, а также помогала выбрать место. Если Хохлатка начинала купаться, нырять,— считай, что ни подсадки, ни пролета не будет; если она тихо и чинно сидела на воде,— место выбрано правильно. Эти побасенки помогали мириться с редкой охотничьей удачливостью Анатолия Ивановича. Многие объясняли чуткость и другие необыкновенные свойства Хохлатки тем, что она «живленая» утка. Несколько лет назад один из клиентов Анатолия Ивановича всадил в нее заряд шестого номера. Анатолий Иванович две недели проносил за пазухой еле живую утку, скармливая ей разваренное в молоке пшено, и добился того, что Хохлатка ожила. Но с тех пор он никогда не брал ее на свои егерские выезды.

— Скажи, Анатолий Иванович, — с улыбкой, но холодно проговорил Андреев, — кто из нас егерь — ты или я? Может, это ты мне деньги платишь?

Анатолий Иванович ничего не ответил, только коротко кивнул головой. Он, видимо, надеялся, что разговор останется в плане чисто дружеских уговоров, но Андреев затронул его профессиональную щепетильность, и ему не оставалось ничего другого, как повиноваться.

— Уть!.. Уть!.. Уть!.. — послышался со двора голос Анатолия Ивановича и вслед за тем шелест и треск крыльев кинувшихся врассыпную домашних уток. Они уже знали обманчивую ласковость этого призыва, означавшего, что некоторым из них пора на работу. А уткам, видимо, совсем не улыбалось часами покачиваться на воде с привязанным к лапке грузилом, когда над головой гремят выстрелы и по воде хлещет дробь.

Мы вышли, чтобы помочь Анатолию Ивановичу, но это оказалось лишним. Одна из уток не бросилась наутек, осталась стоять там, где застал ее призыв Анатолия Ивановича, кокетливо склонив головку, посверкивая золотистым ободком глаза. Над основанием клюва смешно завивался хохолок. Не в пример товаркам Хохлатка любила свою работу. Анатолий Иванович нагнулся, поднял утку, чуть затрепыхавшуюся в его ладонях, погладил ей шейку, вынул из-за щеки размоченный в слюне мякиш и скормил его утке. После чего сунул присмиревшую Хохлатку в плетеную корзину. Вскоре Василий принес вторую подсадную, и мы тронулись в путь...

То чувство, которое я испытал, перешагнув порог дома Анатолия Ивановича, чувство радости узнавания, сродства месту, владело мною на всем пути от дома до озера. Радостно узнавал я приметы дороги: гнутую, похожую на вопросительный знак березу у околицы, семейку черных пушистых елок, сторожевой форпост густого, влажно, остро и душно пахнущего леса с крутыми мшистыми тропками, все петли которых, по счету шестьдесят семь, были мне ведомы. Сколько раз, валясь от усталости, пересчитывал я эти петли в смутной надежде, что вдруг их окажется меньше! Хорошо помнилось мне и зеленое окно, распахнутое на болото, — здесь Анатолий Иванович надевал на свои костыли плоские дощечки для упора,— и черные вздутия торфа среди едкой осочной зелени, и чавкающий шаг, и объеденный мошкой орешник с дырявыми, в липкой паутине листьями, за которым начиналось второе болото, подводящее к озеру, и неизменная чайка, кружащая над причалом. И безжалостно разворошенный охотниками для всяких нужд стог сена стоит на том же месте, и, как в прежние годы, в него воткнут шест с привязанным за лапу дохлым распершимся ястребом. Конечно, это другой стог, другой ястреб, другая чайка, но кажется, они все те же, подобно берегам, лесу, болоту.

Первый охотничий вечер не принес мне удачи. Уток было видимо-невидимо, но высоко в небе. Они проносились во всех направлениях, поодиночке, стайками и стаями. Крупные кряквы и маленькие чирки, шилохвостки с приметной закорючкой хвостика, «шушканы». Но все они были далеко за пределами выстрела. Наверное, их распугали на утренней зорьке.

До боли в глазах глядел я из своего шалаша на темную, холодную, рябистую воду, на которой мерно покачивалась моя подсадная и подпрыгивали чучела. Подсадная казалась искусственной: такая она была неподвижная и покорная мелкой волне; чучела же вели себя, как живые. Они ворочались, показывая то бок с синим пятнышком крыла, то длинный, унылый клюв, то задок с торчком хвостика, ныряли, будто в поисках корма, или вдруг все враз выстраивались стайкой и плыли против волны. Но не было ни одной подсадки. Небо на западе стало ярко и жестко красным, а все вокруг, кроме подрумяненной закатом воды, аспидно-черным: и камыши, и осока, и дальние островки. Откуда-то издали доносился будоражащий отзвук выстрелов, но поблизости было тихо, и это примиряло с неудачей.

Закат погас, и над водой легла ночь. Но небо попрежнему светлело, и я с надеждой поглядывал из шалашика уж не на воду, а на небо: не появится ли черное, как хлопок сажи, тело утки, летящей на вечерний жор.

Но вот из-за тростника бесшумно выплыл челнок Анатолия Ивановича, и я понял, что на сегодня охота кончилась.

Эта вечерняя зорька выдалась не по-августовски холодной, и когда Анатолий Иванович взял направление на камыши, Андреев спросил обеспокоенно:

— Мы где заночуем?

— Как где? — удивился егерь.— В челноках.

— Нет, это не пойдет, — твердо сказал Андреев. — Без костра мы загнемся.

— Тогда на твердое поедем, — покорно согласился Анатолий Иванович, заворачивая нос челнока.

Выбрать «твердое» на всем побережье Великого — дело непростое. Это озеро почти без берегов. Камыш, растущий по его закраинам, переходит в очень густую заросль, так что по ней можно ходить без большого риска провалиться в воду. Заросль незаметно переходит в болотную трясину, потом в более густо замешанное и устойчивое болото, поросшее кустарником и редкими деревцами. Когда смотришь издали, то кажется, что в некоторых местах вплотную к воде подходит лес. На самом деле лес отделен от озера бесконечными

хлябями и топями, да и сам он высится на болотистом, неверном грунте. И местные охотники никогда не ночуют на берегу.

Мы медленно плыли вдоль темной стены камыша, прорезанной узкими, уходящими в черноту расщелинами. Вдруг в конце одной из этих щелей мы увидели рыжее пламя костра. Анатолий Иванович завернул в коридор, я последовал за ним. Камыш зашуршал о борта челнока, и через несколько минут мы въехали в золотисто-багряный свет.

Костер был сложен на земляном бугре у подножия трех сросшихся корнями сосен. Вокруг него расположились охотники, а на гнилом поверженном стволе прямо и величественно сидел генерал в полной генеральской выкладке, только без орденов. Охотники (среди них был и брат Анатолия Ивановича, Василий) старательно подкидывали в костер всякую «пищу»: чурки, полешки,— и костер притухал, будто давился слишком большим куском,— можжевеловые ветви, заставлявшие костер весело постреливать, охапки сухой травы, вспыхивавшие, словно порох, с шипом и ослепляющей краткой яркостью. Неверное пламя, то рослое и золотистое, то умаленное, красноватое, играло на широких генеральских погонах, золотых пуговицах кителя, эмблеме и золотом шнуре фуражки, на лампасах брюк и слюдяном глянце щегольских сапог. Генерал сделал лишь одну уступку времени и месту: из-под фуражки на шею опустил в защиту от комаров носовой платок, что придавало ему сходство с бедуином.

Генерал приехал с Василием. Двух других москвичей также сопровождали местные егери; их челноки были едва различимы в густой тени под обрывом бугра.

Мы подъехали как раз в тот момент, когда, наполнив из плоской стеклянной фляги маленький серебряный стаканчик, генерал произнес строго и серьезно:

— С полем, товарищи охотники! — И опрокинул стаканчик в рот.

По его короткой гримасе можно было догадаться, что в стаканчике был марочный коньяк. После этого он передал флягу и стаканчик Василию. Тот выпил, крякнул от удовольствия и сказал:

— Чудная самогонка — конфетами отдает.

Окружающие сдержанно засмеялись.

— У вас пусто? — спросил Василий брата.— У нас чирочек.

Анатолий Иванович попал в трудное положение, но, изловчившись, он умудрился придать своему ответу форму возражения:

— Было б не пусто, кабы чего было.

— На чистое ушла, — кивнул головой брат.

— Ничего не на чистое! — тут же взъерошился Анатолий Иванович.— Чего ей на чистом делать? В Прудковской заводи вся утка.

— Может, и в Прудковской,— сказал брат, которого генеральская самогонка сделала на редкость сговорчивым.

— А вернее всего на Дубовом,— недовольно произнес Анатолий Иванович.

Охотники заговорили о том, куда ушла распуганная не столько утренней зорькой, сколько браконьерами утка, а я подсел к костру, с наслаждением погрузив свое отсыревшее тело в его благостное тепло.

— Покусывают комарики, генерал? — прозвучал рокочущий басок, и Андреев вступил в свет костра, улыбаясь развязно и неуверенно. Почет, оказываемый генералу, задел его за живое. Он и сам, как я понял, был в чинах, только по штатской линии.

Бегло скользнув по нему взглядом, генерал чуть ерзнул на стволе, скорее выразив готовность потесниться, нежели действительно освободить место.

— Здесь терпимо, — ответил он, — дымком тянет.

Андреев тут же воспользовался условной любезностью генерала и уселся на ствол.

— Анатолий Иванович! — крикнул он зычно. — Как насчет поужинать?

— Сейчас, — донеслось глухо со дна челнока.

— И коньяк «Двин» не забудь!..

Я встал и подошел к челноку, чтобы достать мешок. Анатолий Иванович кормил Хохлатку, размачивая в воде черный хлеб. Утка быстро-быстро, короткими щипками очищала его ладонь, затем, склонив голову набок, ожидала новой порции.

Когда я вернулся, Андреев и генерал беседовали о таежном гнусе, приволховских комарах, среднеазиатской мошке. Прислушиваясь краем уха к их беседе, я уловил одну любопытную особенность. Генерал говорил обо всем скупо, точно и веско, как говорит человек о том, что ему известно по собственному опыту. Видимо, в разные времена своей долгой солдатской службы ему пришлось вдосталь натерпеться от этих крошечных неприя-

телей. Андреев тоже обнаруживал бывалость, но мне невольно вспомнилась дорога: все это было азартно, уверенно и не туда. Он забывал и путал названия мест, сбивался в датах, и, хотя его рассказы тоже шли от первого лица, у меня создалось впечатление, что Андреев говорит с чужих слов.

Генерал оказался косвенным виновником того, что мы едва не пропустили утреннюю зарю. Не знаю, в силу каких обстоятельств приехал он на охоту в полной форме. Скорее всего возможность поездки застигла его неожиданно, врасплох, когда уже не было времени на сборы. То ли ему представлялось неудобным валяться в челноке в генеральской одежде, то ли он просто боялся запачкаться, но он мужественно перетерпел ночь, сидя над чуть тлеющим костром. Не желая ни в чем уступать генералу, Андреев последовал его примеру без всякой к тому необходимости. Лишь под утро, смятый усталостью, покинул он своего собеседника и улегся спать.

Утром мы никак не могли его добудиться. Другие охотники давно покинули стоянку; отправился в путь со своим генералом и брат Анатолия Ивановича. Генерал сидел на корме, такой же прямой, подтянутый и бодрый, держа на коленях тульский тройник.

Мы тщетно тормошили, толкали Андреева. В своей клетушке, взволнованная проволочкой, покрякивала и ворчала Хохлатка. Наконец, израсходовав запас охотничьей солидарности, я решил ехать один.

— Конечно, езжай, — сказал Анатолий Иванович,— не терять же зарю! Займи наш шалаш: он лучше.

И в тот же миг Андреев проснулся...

И вот снова, будто не было ночи у костра, сижу я в челноке под хрустким сводом шалашика, и та же ветка по-вчерашнему колет мне шею, и так же крошится за шиворот сохлый березовый лист, так же подпрыгивают на воде чучела и шарит клювом в перьях равнодушная ко всему на свете подсадная. И так же мозжит холодок, и тот же сумрак в камышах, но вокруг утро, каждая минута приносит все больше света, тепла, жизни. Едва я устроился поудобнее в челноке, готовясь к длительной вахте, как увидел, что чучел стало не четыре, а пять: к ним пристроился темный, маленький, компактный чирок. Не было ничего удивительного, что я просмотрел его прилет. При посадке чирок развивает скорость до сорока метров в секунду, а подсадная молчала. Наверное, я немного дернул ружье при выстреле — подраненный чирок с невероятной быстротой, стрекоча крыльями, припустил по воде в заросли. Я довольно долго не мог найти его и уже хотел оставить поиски, как вдруг увидел в осоке его распластанное темное тельце. Почин сделан!

После этого, как обычно бывает при удачном начале, наступило длительное затишье. Моя подсадная подавала иной раз сигнал, но утки, уже взяв курс на посадку, в последний момент меняли направление. Мне казалось, что они летят к шалашу Анатолия Ивановича, но там было тихо.

Несчастье случилось часа через два, когда, уже отчаявшись в успехе, я собрал свои чучела и ловил никак не дававшуюся в руки подсадную. Из шалашика моих соседей один за другим прозвучали два выстрела, и как-то очень уж быстро, еще не замерло раскатившееся по заводям эхо, из камыша напролом, сметая шалашик, вырвался челнок Анатолия Ивановича. За дальностью мне не было видно, что у них там стряслось, но я знал, что из-за пустяков Анатолий Иванович не будет рушить шалаш.

Когда я подъехал к ним, мне без слов стало ясно, что случилось. На носу, оттопырив мятое, растрепанное крыло и уронив через борт странно тонкую и длинную шею, лежала мертвая Хохлатка.

Анатолий Иванович вылавливал грузила, на которых держались чучела. Он осторожно выбирал веревку, пока не показывался черный комочек свинчатки, затем брал чучело и, стряхнув с него воду, швырял на дно челнока.

Красный, смущенный Андреев курил сигарету. На мой молчаливый взгляд он пробормотал:

— Спросонок... — Затем спросил: — Как успехи?

Я кивком указал на свою скромную добычу.

В молчании тронулись мы назад. У причала Анатолий Иванович, дав сойти Андрееву, быстро покидал на берег наши охотничьи пожитки, затем привязал челноки к вбитому в дно столбу. Покончив с этим, он взял костыли и единым махом перебросил на берег свое тело.

— Анатолий Иванович, вот что, друг, — сказал Андреев, — ты не думай, я твои потери возмещу. Говори: сколько?

Спокойное, в красноватом загаре лицо егеря не изменилось. Только белые залысины затекли розовым, став одного тона с лицом.

— Семь рублей, — ответил он.

— Я серьезно спрашиваю.

— А я серьезно говорю. Сейчас на базаре матерые идут по семь рублей, чирки по четыре — четыре пятьдесят, а шилохвостки того дешевле.

Андреев пожал плечами.

— Как знаешь...

Анатолий Иванович взял мертвую Хохлатку за шею и протянул ее Андрееву.

— Это зачем? — спросил тот брезгливо.

— Возьмите. А то неровен час вовсе без добычи домой вернетесь. На ней клейма нет.

Андреев усмехнулся, взял утку и с небрежным видом сунул в ягдташ.

И снова шагаем мы старой тропкой через два болота, лес, вырубку, лужок, и Анатолий Иванович то надевает на костыли, то снимает деревянные дощечки-ступни. Попрежнему передо мной маячит его очень прямая, с легким прогибом вовнутрь спина, обтянутая старенький ватником, попрежнему стараюсь я не наступить левой своей ногой в его непарный, очень большой и глубокий след, и только плетеное лукошко не оттягивает ему плеча, а, болтаясь, колотит его по бедру и пояснице. И мне понятно, как должен он чувствовать эту печальную пустоту переносного домика Хохлатки. Но я не решаюсь заговорить с ним. Анатолий Иванович принадлежит к той редкой породе людей, что умеют жить, не утешаясь.

Дома мы наскоро пообедали чуть теплой пшенной кашей с молоком, достав и то и другое из остывшей печи. Андреев куда-то ушел, я стал чистить ружье, Анатолий Иванович подсел к приемнику.

Присоединив его к батареям, он встряхнул коробку, зачем-то приложив ее к уху, дал ей шлепка и стал крутить ручки.

— У-на-ва-жи-ва-я... запятая... — донесся из безбрежного океана звуков, именуемого эфиром, скрипучий, мертвый голос диктора.

Передавали материалы для местных газет. Я ждал, что Анатолий Иванович выключит приемник, но нет, с серьезным, сосредоточенным лицом вслушивался он в эту унылую скандировку.

— Ка-лий-ны-е... со-ли... тире...

Затем началась литературная передача на украинском языке. С тем же глубоким, сосредоточенным видом Анатолий Иванович выслушал и ее. После этого стали передавать объявления московских универмагов.

Приемник работал, сжирая батареи. Верно, очень худо было Анатолию Ивановичу, если он так нерасчетливо жертвовал своей единственной связью с широким миром. И мне подумалось: каково же приходится сейчас виновнику беды, нашему азартному и незадачливому спутнику? Накинув куртку, я вышел из дому. Близился вечер. За стволами потемневших тополей молочно светлела широкая, как озеро, Пра. С реки тянуло легким холодком, и воздух казался слоистым; надраенную ветром и солнцем кожу лица опахивало то мягким, пахнущим землей теплом, то свежей, влажной прохладой. Вслед мне летело над тишиной засыпающей земли:

— Цены на электроприборы значительно снижены...

Я пошел дальше, и голос радио истаял за моей спиной, а взамен его я услышал знакомый, громкий, свежий, самоуверенный, рокочущий басок Андреева. Стоя посреди небольшой группы охотников, собравшихся на завалинке покурить, он говорил:

— Вы меня ничем не удивите! На охоте и не такое случается. Я, знаете ли, потратил-таки пороху на своем веку. И вот не далее как сегодня сижу на зорьке, а спать хочется — страсть! Только прикорнул, вдруг будто под руку толкнуло. Продрал очи — матерая! Я ка-ак стебану из обоих стволов, так перья и полетели. Слышу, егерь чего-то кричит: мать честная — я подсадную приложил!..

— Насмерть?.. — с придыханием спросил чей-то молодой голос.

Андреев засмеялся:

— О чем спрашиваешь, дите малое!..

Я молча отошел прочь. Теперь я был за него спокоен.

ФИНЛЯНДИЯ — СТРАНА ТЫСЯЧИ ОЗЕР.

Фото Н. Драчинского.

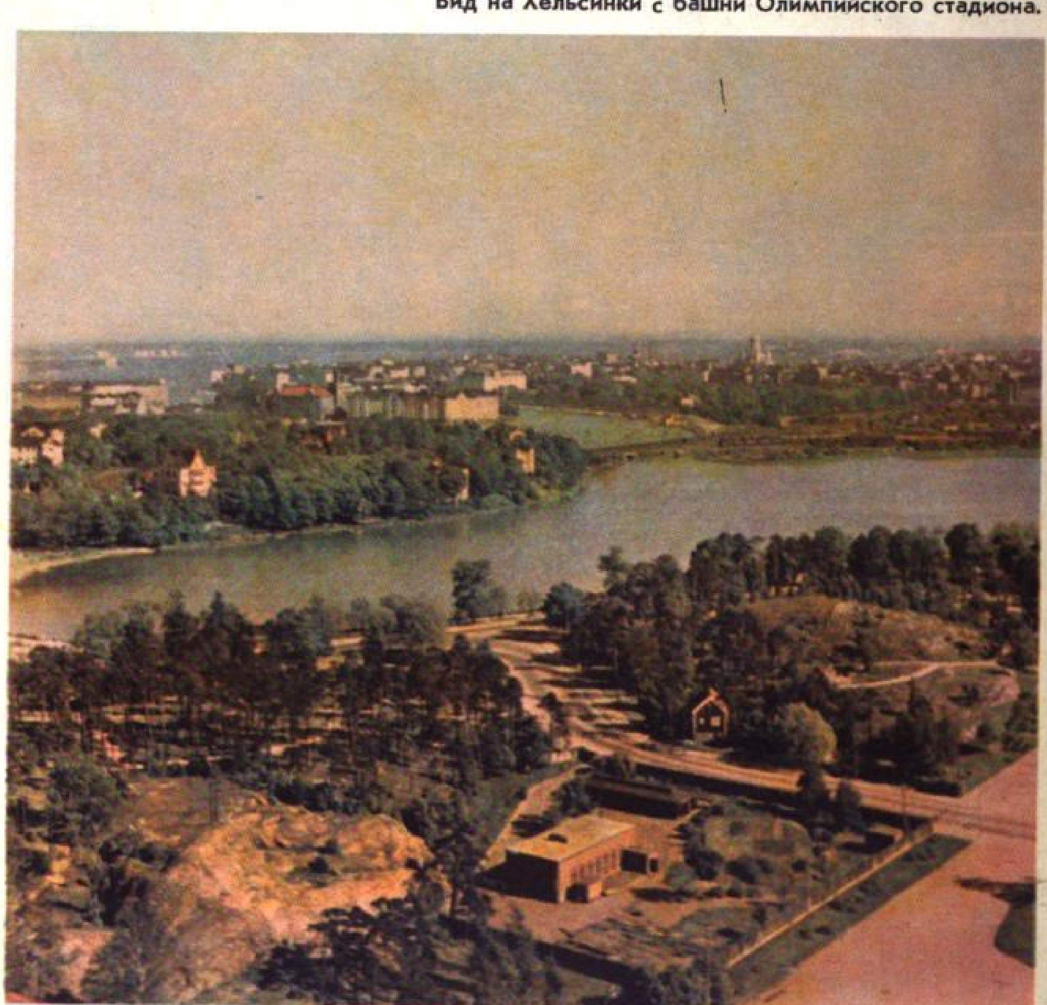
Окрестности города Тампере.

Среди озер, лесов и болот проложены хорошие дороги. Шоссе из Хельсинки в Турку.

Верфи «Крейтон Вулкан» в городе Турку. Здесь строят суда для Советского Союза.

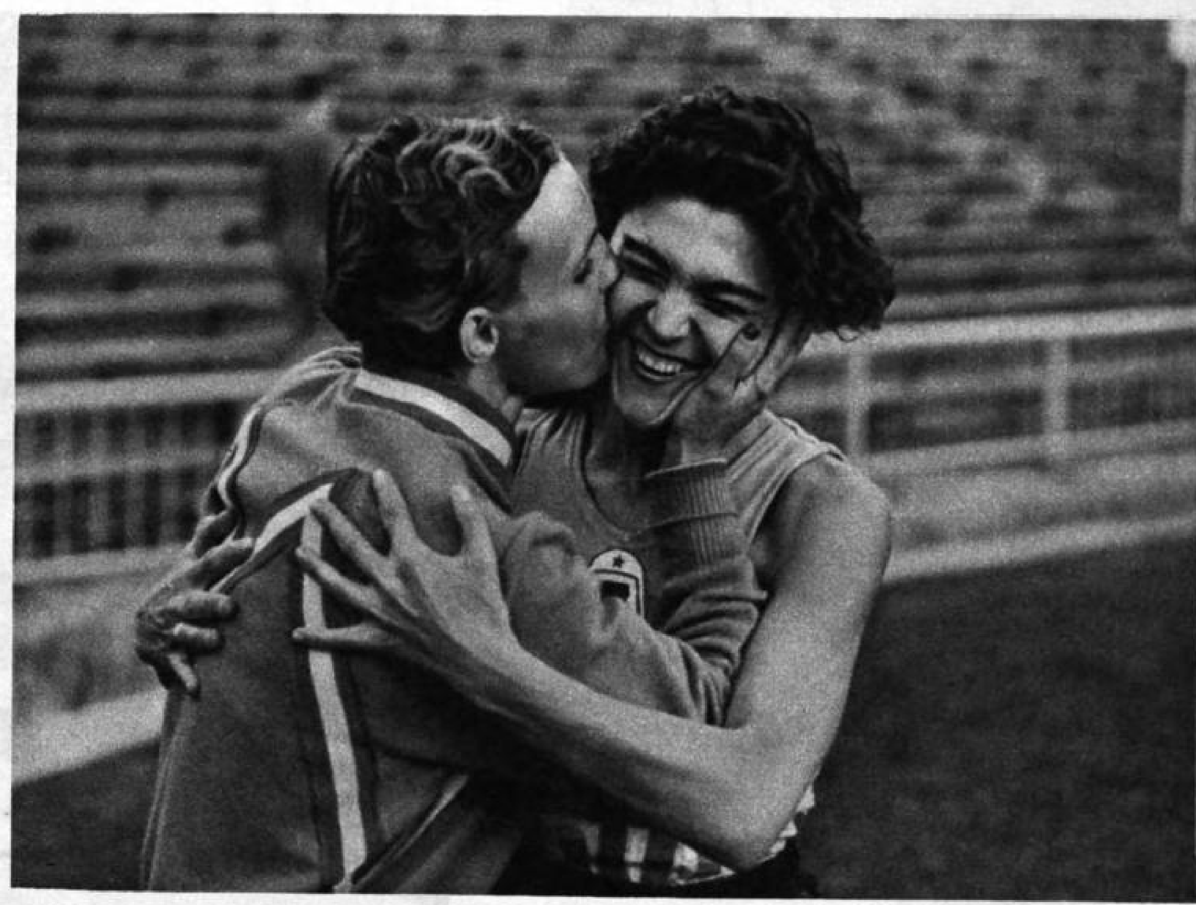

Утро в Хельсинки. Девушки спешат на работу.

Вид на Хельсинки с башни Олимпийского стадиона.

З. Сафронова поздравляет Г. Попову с новым всесоюзным рекордом. Попова пробежала 100 метров за 11,5 секунды, а затем выиграла финальный забег, став чемпионкой страны и Спартакиады народов СССР.

Огромный успех Спартакиады

Фото А. Бочинина, Н. Волкова, Л. Дубильта, Н. Кулешова, Г. Липскерова, А. Новикова, В. Светланова, Н. Ситникова, Е. Умнова.

Трудно охватить одним взглядом все события на Спартакиаде народов СССР. И думается, что нет такого болельщика, которому удалось стать свидетелем всех состязаний, входивших в программу. Это было бы невозможно: одновременно в разных местах шла захватывающая по своему напряжению борьба по самым различным видам спорта. Мерились силами самые лучшие команды, самые прославленные мастера, устанавливались всесоюзные и мировые рекорды. И что самое отрадное: везде неизменно выдвигалась в первые ряды молодежь, на всю страну звучали имена тех, о ком вчера мы еще ничего не знали.

В этом, пожалуй, главный успех Спартакиады, ее огромное значение. Теперь ясно, что на авансцену большого спорта выходят новые большие резервы, что из огромной массы молодежи, увлеченно занимающейся физической культурой, видящей в ней средство своего гармонического развития, укрепления здоровья, воспитания высоких моральных качеств, выдвинулось новое поколение победителей, для которых успешное выступление на Спартакиаде — только начало их движения вперед во славу советского спорта.

В соревновании сильнейших гимнастов страны первое место занял В. Муратов.

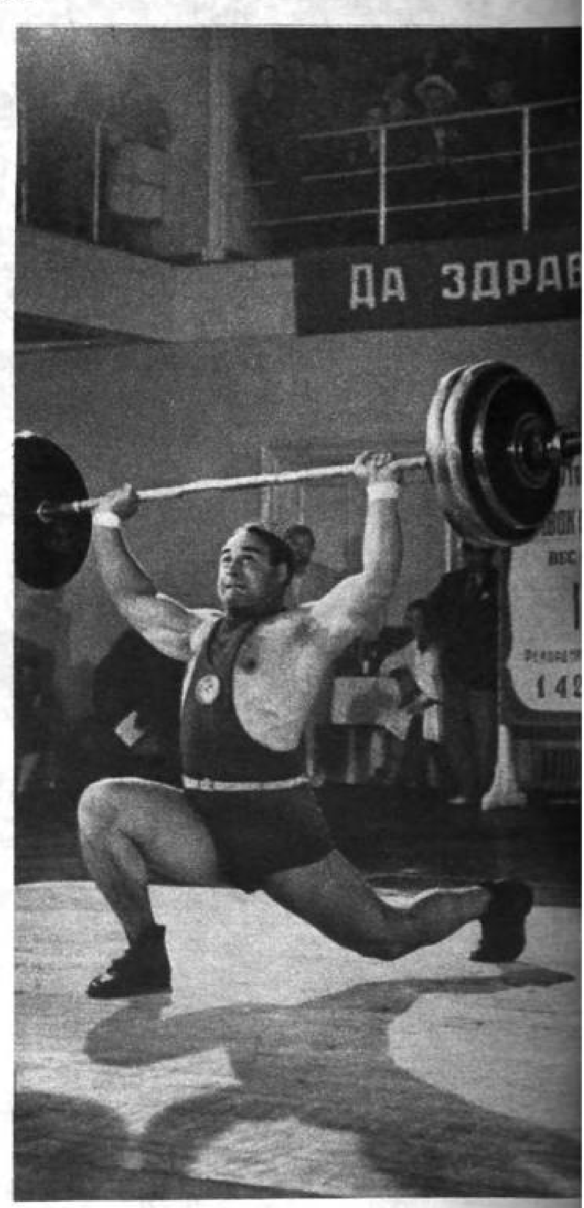
Победитель первенства по конному троеборью В. Куйбышев.

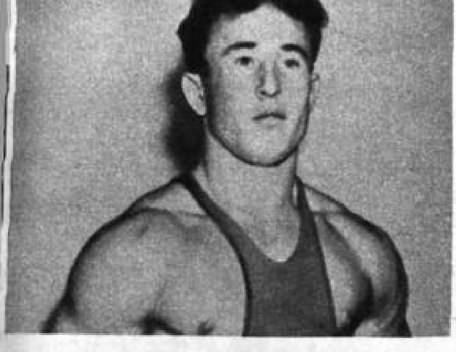
Выдающегося успеха добилась на Спартакиаде ленинградская легкоатлетка Н. Виноградова (на первом плане). Она установила новый мировой рекорд в пятиборье, набрав 4 767 очков.

В баскетбольной команде Казахстана выступает самый высокий игрок Василий Ахтаев. Его рост — 2 метра 31 сантиметр.

Есть мировой рекорд! А. Воробьев — атлет полутяжелого веса — поднимает в рывке 143 килограмма.

Молодой штангист Е. Минаев на Спартакиаде установил новый мировой рекорд в жиме двумя руками для атлетов полулегкого веса, подняв 114 килограммов.

Восемнадцатилетний пловец из Грузии Б. Никитин оказался сильнейшим на дистанции 400 метров вольным стилем.

Таджикский стрелок А. Тилик превысил мировой рекорд, выбив из боевой винтовки в положении «лежа» 395 очков из 400 возможных.

Москвич В. Иванов, молодой гребец, в гонках скифов-одиночек победил олимпийского чемпиона Ю. Тюкалова и чемпиона СССР 1954 года А. Беркутова.

Ереванский студент В. Овсепян впервые обратил на себя внимание, выступая на первенстве страны по легкой атлетике 1955 года. Нынешним летом Овсепян установил на спартакиаде Армении всесоюзный рекорд, толкнув ядро на 17 метров 28 сантиметров. На Спартакиаде народов СССР молодой спортсмен завоевал первенство с новым рекордом—17 метров 35 сантиметров.

Новой чемпионке СССР по плаванию на 200 метров брассом А. Коваленко семнадцать лет.

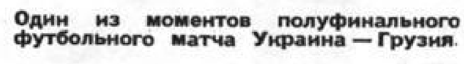
Чемпион СССР по ходьбе на 50 километров Г. Климов.

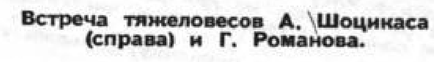
Туляку Б. Романову девятнадцать лет. В велосипедной гонке на скорость на один километр он завоевал первенство Спартакиады и впервые стал чемпионом СССР.

В тот день, когда В. Полякову исполнился двадцать один год, он завоевал первенство страны по прыжкам в высоту.

Один из моментов полуфинального футбольного матча Украина — Грузия.

Встреча тяжеловесов А. Шоцикаса (справа) и Г. Романова.

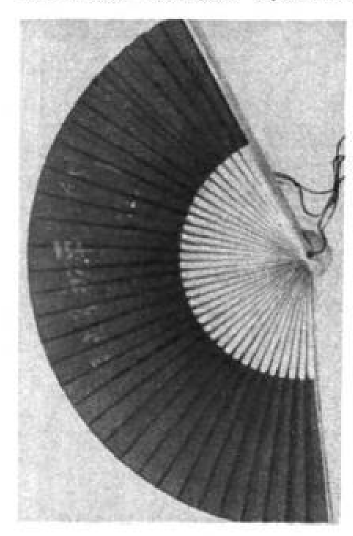

Из почты «ОГОНЬКА»

Письмо из Японии

Дорогие работники редакции!

Шлю вам пламенный привет международной дружбы... Мы посетили судно «Днестр», которое прибыло на ремонт в порт Ивасэ, и провели там чудесный день. Об этом рассказано в февральском номере «Огонька», и помещена фотография. В местной газете также было сообщение об этом случае. На фотографию в журнале попал случайно и я.

Мы преисполнены глубокой благодарности за проявление чувств конкретной дружбы, которые были выражены к нам, людям, в трудных условиях выступающим за дружбу между народами, участвующим в национальном движении за восстановление дипломатических отношений между странами. Какую бодрость это вселило в местных жителей!

В знак благодарности я посылаю вам японский веер.

Будем прилагать взаимные усилия на благо дела мира во всем мире!

Желаю вам всем здоровья.

Ивао НАКАДЗИМА

Перевод с японского.
Канадзава. Япония.
Июль 1956 года.

В ПОСЫЛКЕ—ПЧЕЛЫ

Два года назад Петр Васильевич Игольников получил на почте посылку, в которой оказались... пчелы. Они были доставлены в далекий Серов на шестидесятую параллель, за тысячи километров, из города Черкесска, Ставропольского края. Акклиматизировались пчелы быстро и к концу года дали первые 30 килограммов меда и 910 граммов воска.

Пчеловод сделал из этой семьи две. Вместе они дали 60 килограммов меда и 1 200 граммов воска.

Летом прошлого года пчеловод получил опять по почте три семьи пчел. А вслед за ними еще четыре.

Кавказские пчелы на редкость трудолюбивы и миролюбивы. П. В. Игольников, пчеловод подсобного хозяйства орса Богословского рудоуправления, организовал пасеку, которая быстро превратилась в доходную отрасль хозяйства.

Хороший пример оказался заразительным. Колхоз имени В. И. Чапаева также выписал с Кавказа две пчелосемьи. За ним последовали и другие.

В. ЗАПРЕТИЛИН

Фото А. Гирева.
гор. Серов.

Миниатюрная пещера

В окрестностях Пугачева, на Заволжье, где известны карстовые пустоты, геологи пробурили в каменном массиве глубокую скважину, а затем извлекли на поверхность выбуренный цилиндрик камня.

В камне оказалась миниатюрная пещера. Ее стенки покрыты кристаллами, которые блестят, как драгоценные самоцветы.

Эту пещерку приготовила подземная вода. Она постепенно растворяла камень-известняк, изъела его, а по стенкам образовавшейся пустоты отложила из раствора кристаллики кальцита. Так появилась в камне крошечная пещера-карст, которая видна на фотографии.

Инженер-геолог А. ВИКТОРОВ

Часы, которые надо поливать

Эти электрические часы-клумба сооружены в Киеве. Циферблат, цифры на нем и даже стрелки сделаны из живых цветов. Часы показывают точное время и не боятся дождливой погоды. Более того, для поддержания нарядного внешнего вида их даже поливают.

А. РЫСКИН

Киев.

Трудно утонуть

В Петуховском районе, Курганской области, есть озеро Медвежье. На берегу его расположен курорт, известный своими целебными грязями.

Вода озера настолько насыщена солями, что плотность ее позволяет человеку свободно лежать на поверхности воды, примерно так же, как в знаменитом Мертвом море.

В. ПАЛАМАРЧУК

Петухово, Курганской области.

«Путешествие» тритонов

При производстве работ в дельте Днепра мы заложили буровую скважину на берегу небольшой протоки. Работа шла успешно, грунт был легкий, и мы надеялись быстро закончить работу. Пробурили несколько метров, и вдруг внутри труб что-то загудело, а через несколько мгновений какая-то сила выбросила из обсадных труб инструмент со штангами.

После этого из скважины вместе с водой стали вылетать куски торфа, ил и в завершение всего — живые тритоны, которых мы подобрали более двух десятков.

Все это сопровождалось очень сильным гулом внутри труб. Спустя некоторое время скважина перестала фонтанировать, но гудение продолжалось.

Анализ показал, что мы наткнулись на скопление газа метана, который, вырвавшись через трубу, увлек наружу торф, ил, а также живых тритонов, проделавших неожиданное путешествие со дна протоки... в аквариум краеведческого музея.

В. ЛОБОДА

Херсон.

Австралийский медведь коала

Коала — небольшое животное, величиной с ягненка, с мягким, густым мехом светлосерого цвета, беспомощное и безобидное. Живут коала на ветвях особого вида эвкалиптов и питаются листьями. Никакой другой пищи коала не могут принимать и живут только там, где растут эти деревья. Таким образом, эти милые зверьки являются типично австралийскими животными. На других континентах их нет.

Редкой особенностью коала является их способность долгое время жить без питьевой воды, употребляя ее в ничтожном количестве. Своих детенышей самки коала носят на спине.

А. КУЗНЕЦОВ

Сидней, Австралия.

Меч-рыба на мели

Пограничники охраняли порученный им участок государственной границы. Густой туман плотным полотнищем застилал необозримое пространство моря. На рассвете пограничники заметили недалеко от берега какое-то черное длинное пятно. То ли бревно, то ли нарушитель в водолазном костюме распластался на мели — не понять.

Тут же был спущен с поводка четвероногий помощник Орлик и отдан приказ: «Ищи!»

Орлик мигом очутился в море, около не опознанного пограничниками предмета. Хватал его с разных сторон, но не мог сдвинуть с места. Морские волны то и дело сбивали с ног Орлика. Пограничники бросились на помощь своему четвероногому другу.

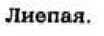
Оказалось, что на мели лежала крупная меч-рыба, которая, видимо, в погоне за жертвой выбросилась сюда. Она напрягала все силы, чтобы сняться с мели.

Пограничники решили не упускать редкой добычи и нанесли ножом удар в голову морского чудовища.

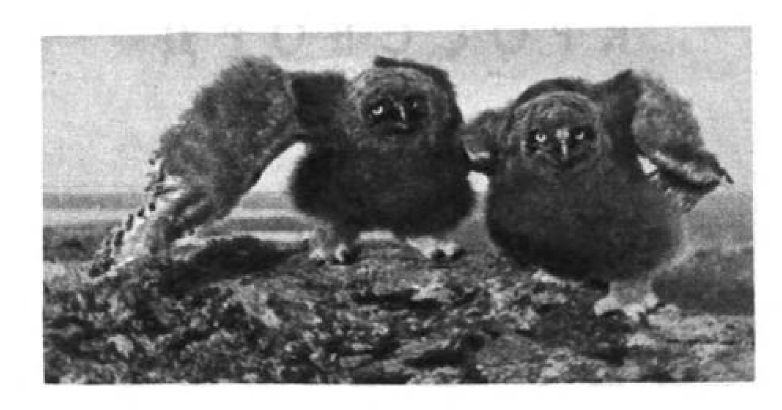
Меч-рыба длиной 2 метра 53 сантиметра и весом 73 килограмма была доставлена в ближайший краеведческий музей.

М. ДОВГАЛЬ

Лиепая.

Птенцы полярной совы

С геологической партией я был невдалеке от побережья Карского моря. Однажды я натолкнулся на стайку птенцов полярной совы. Величиной они были с курицу, покрыты серым пухом, только на концах крыльев пробивалось перо пестрой расцветки — белое с черными пятнами. Большие лапы с мощными цепкими когтями, сильный, чуть загнутый книзу толстый клюв.

При нашем приближении птицы короткими скачками устремились в разные стороны и скрылись, слившись с окружающей россыпью камня. Только два птенца, прижавшись друг к другу, притаились и грозно поглядывали на нас большими и строгими глазами. Когда мы приблизились к ним почти вплотную, птенцы привстали, расставили крылья, размах которых был немного меньше метра, грозно зашипели, защелкали клювами. Сова-мать, бесшумно махая крыльями, неоднократно пролетала над нами, порой едва не задевая нас. Несколько раз она садилась неподалеку и отвечала свистом на щелканье и свист птенцов.

Малыши были очень забавны, и мы сфотографировали их.

Лишь мы отошли от них на несколько шагов, как сова немедленно вернулась.

Геолог Ю. КУЛИКОВ
Ленинград.

В Москве и ряде других городов водителям транспорта запрещено подавать звуковые сигналы.

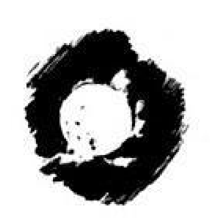

Изошутка Л. ХОДАКОВА.

Изошутка В. ИВАНОВА.

НАБЛЮДЕНИЯ СОЛНЦА НЕВООРУЖЕННЫМ ГЛАЗОМ

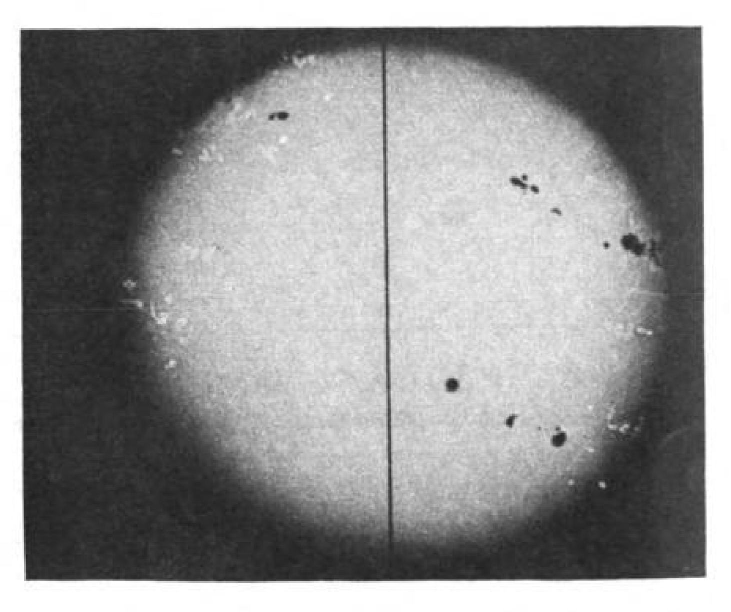

Читатель «Огонька» Н. Ф. Курбанов, проживающий сейчас в ГДР, прислал в редакцию записи и зарисовки своих наблюдений Солнца невооруженным глазом. Благодаря тому, что при этом Солнце было на закате, а горизонт подернут дымкой, умерявшей ослепительный свет Солнца, 18 февраля 1956 года он заметил на багровом диске «солнечные пятна, очень четко выраженные... в виде двух прерывистых полос». 21 февраля, когда Солнце выглядело более ярким, ему «удалось увидеть только одно пятно в правой верхней четверти Солнца». Зато на следующий день, кроме пятна, повидимому, того же самого, внимание его привлекло «новое явление. По краю диска очень заметно выделялись четыре языка протуберанцев... три были расположены в верхней части Солнца и один в правой нижней четверти». 15 марта он рассмотрел два небольших, но четких пятна в верхней половине диска.

В результате Н. Ф. Курбанов «пришел к выводу, что при известных атмосферных условиях можно наблюдать невооруженным глазом не только пятна, но и протуберанцы».

Первые наблюдения на Руси солнечных пятен невооруженным глазом относятся к XIV веку. В Никоновской летописи под 1365 годом сказано: «Солнце бысть аки кровь и по нем места черны...», а под 1371 годом читаем: «...места черны по Солнцу аки гвозди...». Эти «черные места» — пятна — были замечены, вероятно, потому, что стояла засуха и дым лесных пожаров, застилая Солнце, позволял беспрепятственно смотреть на него.

Что касается наблюдений протуберанцев, то запись, сделанная еще в 1185 году в Лаврентьевской летописи, гласит: «...бысть знаменье в солнци, и морочно бысть велми, яко и звезды видети... и в солнци учинися яко месяць, из рог его яко угль жаров исхожаши...» «Угль жаров» — это и был протуберанец, ставший видимым во время полного затмения, когда Луна закрыла Солнце и небо потемнело.

Солнце в день взрыва. Фото Кисловодской горной астрономической станции Академии наук СССР.

Имеется немало других свидетельств о видимости солнечных пятен и протуберанцев невооруженным глазом, однако наблюдения последних вне полных затмений, как в случае, описанном нашим читателем, неизвестны. Это обстоятельство и то, что сообщение относится к периоду бурного развития солнечной деятельности, о котором распространились фантастические слухи, побудило нас обратиться за разъяснениями в Институт научной информации Академии наук СССР. Старший научный сотрудник отдела астрономии института И. С. Щербина-Самойлова сообщила нам:

— Наблюдения вашего читателя в общих чертах соответствуют данным службы Солнца. Но то, что он принял за протуберанцы, повидимому, были не протуберанцы, а гало — световое явление, обусловленное отражением и преломлением солнечных лучей в ледяных кристалликах, взвешенных в атмосфере. Некоторые из гало имеют необыкновенный вид; у Солнца, например, вырастают «уши», «скобки» или появляются размытые светлые пятна.

Читатель вел наблюдение накануне 23 февраля, когда обсерваториями был отмечен на Солнце взрывообразный процесс — вспышка, сопровождающаяся выделением большого количества энергии. Сила взрыва, по предварительным оценкам, соответствовала взрыву миллиона водородных бомб. Такой взрыв на нашей планете был бы катастрофой, но для огромного Солнца, которое каждую секунду теряет на излучение около четырех миллионов тонн своего веса и, тем не менее, благополучно существует миллиарды лет, он незначителен. Подобные взрывы наблюдались и раньше. Как правило, они особенно интенсивны в период усиления солнечной деятельности — увеличения числа пятен и протуберанцев. Астрономы уделяют изучению этих процессов большое внимание. Как следствие этого взрыва, было отмечено усиление коронального излучения, а на Земле — резкое повышение интенсивности космических лучей и в ряде стран нарушение коротковолновой радиосвязи.

Следует заметить, что каким бы неярким ни казалось Солнце, чтобы не повредить зрение, его можно наблюдать лишь сквозь густо закопченное стекло.

Б. АЛЕКСЕЕВ

Чучело

В ту пору мы все увлекались таксодермией, то есть набивкой чучел зверей и птиц. К нам часто заходил старый чучельник-специалист Петр Германович. Он давал толковые советы и учил своему ремеслу.

Самым способным из нас был Игорек. Он из шкурки зайчонка сделал такого «Зайца во хмелю», на которого нельзя было смотреть без смеха. В памяти сразу всплывал сюжет басни.

Вот на этого-то зайца и пришел однажды полюбоваться Петр Германович. Кроме зайца, в комнате было много других чучел. Был тут канюк-зимняк, делающий первый взмах крыльями; на столе стояла белка с грибом-пепельницей в лапках; а в углу на жердочке сидела серая сова.

Вдоволь нахохотавшись над пьяным зайчишкой, Петр Германович перешел и к нашим работам. Он сделал замечание по поводу непропорциональности тела канюки, похвалил правильность позы белки и вдруг увидел сову...

— А это что такое? Что за сова? Крахмала пожалели? Как перья лежат, что за посадка головы? Безобразие! — возмущался наш учитель.

Мы все молчали, а Игорек отвернулся, стараясь скрыть улыбку.

— Нет, вы обратите внимание, разве так должна сидеть голова? — продолжал Петр Германович.

И тут мы все расхохотались. Голова птицы медленно повернулась в сторону говорившего, а затем сова всем корпусом повернулась в эту же сторону, как будто хотела спросить: «А разве не так?»

Сова была живая! Старик закричал на нас, сконфузился и ушел, хлопнув дверью.

Г. БАБАКОВ, охотовед.
Свердловск.

ХОРОШЕЕ НАЧАЛО

22 июня в газетах было напечатано «Обращение Центрального Комитета ВЛКСМ к комсомольцам и комсомолкам, ко всей советской молодежи». Учащихся школ, институтов, техникумов, молодых рабочих и служащих призывали помочь колхозникам убрать богатый урожай. А уже на другой день на улицах Москвы появился агитплакат, зовущий молодежь помочь убрать урожай с целины.

...Закончены выпускные экзамены в школах и институтах. Вчерашние школьники уже выбрали свою будущую профессию, любимую, полезную людям. Кто собрался ехать на поля и новостройки страны, кто решил сдавать экзамены в институт, кто шел работать на завод. Кончившие институты уезжали в различные уголки нашей Родины, где всегда нужны сильные руки и горячие сердца.

Но среди молодежи были и такие, кто не думал ни о любимой профессии, ни о том, чтобы принести стране пользу своим трудом.

И вот выпускается агитплакат, на котором юноша с завязанными глазами вытаскивает карточки с названием института, куда пойти учиться. Он не думает о своей будущей профессии, не она интересует его.

Внизу на этом же плакате раскрашенная девица гадает на ромашке, что она будет делать после окончания института: можно выйти замуж, стать официанткой, продавать эскимо — и все только для того, чтобы не уезжать из Москвы. Под рисунками стихотворные подписи:

— Нет задачи проще —
Вытянуть на ощупь.

Вуз любой годится —
Лишь бы не трудиться.

— Хоть окончила я вуз,
Из Москвы отнюдь не рвусь.

Что же делать, чем заняться?
Лишь бы мне в Москве остаться.

Комбинат графических работ Московского отделения Художественного фонда, возродивший славную традицию «Окон РОСТА», выпустил несколько подобных плакатов. Они призывают молодежь ехать на целину, не бояться работы на заводах, высмеивают спекулянтов и рвачей.

Над агитплакатами работали художники В. Брискин и К. Иванов, О. Савостюк и Б. Успенский, Л. Корчемкин и М. Хейфиц, поэты Мих. Пустынин, А. Безыменский, А. Стоврацкий. К работе привлечены многие поэты и художники Москвы.

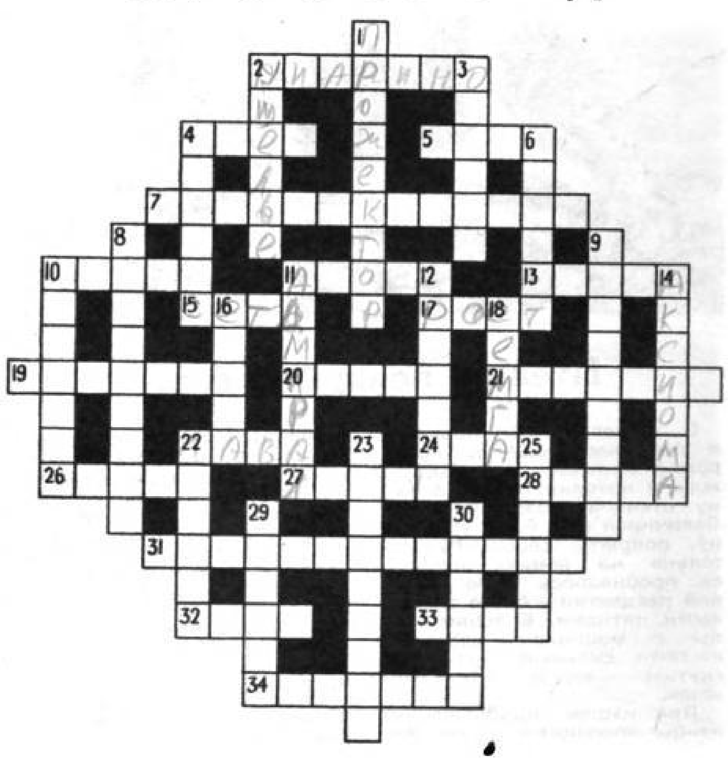
Агитплакаты размножают ручным и литографским способом для различных организаций, учреждений, парков культуры Москвы и других городов.

Работа над агитплакатом еще только началась.

В. БЕЛЕЦКАЯ

КРОССВОРД

По горизонтали:

2. Музыкальный инструмент. 4. Итальянский композитор. 5. Созвездие. 7. Русский живописец-портретист. 10. Произведение И. С. Тургенева из «Записок охотника». 11. Растительный мир. 13. Природная минеральная краска. 15. Орудие лова рыбы. 17. Увеличение организма в процессе развития. 19. Род травянистых растений семейства паслёновых. 20. Руководитель крестьянской войны на Украине в XVIII веке. 21. Народный артист СССР. 22. Горная порода, заполняющая трещину в земной коре. 24. Твердый минерал. 26. Опера Л. Делиба. 27. Столица автономной республики. 28. Приспособление для изготовления литейных форм. 31. Пристань на Иртыше. 32. Произведение, сочинение. 33. Лиственное дерево. 34. Стихотворная форма.

По вертикали:

1. Осветительный прибор. 2. Узкая долина с крутыми склонами. 3. Порт на берегу Адриатического моря. 4. План, предположение. 6. Угол. 8. Остроумное выражение. 9. Советский патологоанатом. 10. Североамериканский медведь. 11. Командующий соединением кораблей. 12. Литературный кружок в России начала XIX века. 14. Положение, принимаемое без доказательств. 16. Русский архитектор. 18. Рыба из рода лососевых. 22. Металл. 23. Деятель искусств. 25. Вещество, образуемое микроорганизмами. 29. Контурное изображение. 30. Разновидность опала.

Ответы на кроссворд, напечатанный в № 33

По горизонтали:

6. Тренер. 8. Танка. 10. Роллан. 12. Команда. 13. Масштаб. 14. Талант. 17. Сатин. 18. Арагва. 21. Гарнизон. 22. Эспадрон. 24. Плакат. 28. Минор. 29. Оттава. 32. Миномет. 33. Цилиндр. 34. Греция. 35. Рупия. 36. Вассал.

По вертикали:

1. Манометр. 2. Кряква. 3. Гранит. 4. Пресса. 5. Тамбов. 7. Нимфа. 8. Трансформатор. 9. Администрация. 11. Летка. 15. Лиана. 16. Нанка. 19. Редут. 20. «Гроза». 23. Антропов. 25. Ламарк. 26. «Конец». 27. Темляк. 29. Орлова. 30. Тунис. 31. Вардар.

Международный конкурс одежды

В этом году в Варшаве состоялся международный конкурс одежды. В конкурсе приняли участие: СССР, Польша, Чехословакия, ГДР, Румыния и Венгрия. Рисунки моделей публикуются на 3-й странице обложки.

1.

Шелковое платье, не отрезное по талии, от кокетки плиссированное (ГДР).

2.

Платье из полосатой шерстяной ткани, прилегающее, одностороннее (Чехословакия).

3.

Платье из набивного шелка, узкое, спереди прилегающее. Юбка пышная, лиф с напуском сзади (Румыния).

4.

Платье из вискозного шелка, двубортное, с глубокой складкой на юбке и подкройными бочками. Большой мягкий воротник может служить капюшоном (СССР).

5.

Открытое платье из набивного шелка. Сверху надевается короткий жакет, полы которого перекрещиваются на спине и завязываются спереди (Польша).

6.

Платье-костюм из клетчатой шерсти. Юбка узкая с высоким цельнокроенным корсажем. Блузочка из шелка в тон клетки. Короткий отстающий жакет (Венгрия).

Н. ГОЛИКОВА

На вкладках этого номера: репродукции картин В. Н. Горяева «Магазин» и «Купание», А. Д. Гончарова «Дорога в Алупку» и «Наташа Дехтерева», К. Г. Дорохова «Порт» и четыре страницы цветных фотографий.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, И. П. ГОРЕЛОВ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление Л. Шумана.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Публицистики и очерка — Д 3-39-27; Информации — Д 3-39-07; Международного — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-38-08; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 11103. Подписано к печати 15/VIII 1956 г. Формат бум. 70 × 108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 000 000. Изд. № 762. Заказ № 2125.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

1
2
3
4
5
6

Цена номера 3 руб.

